

С. 108^с



КАФЕДРА РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ ЮРЬЕВСКОМЪ (ДЕРЕВЕНСКОМЪ) УНИВЕРСИТЕТѢ.

Къ столѣтію существованія университета
1802—1902.

Составилъ

по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ.

Е. В. Пѣтуховъ.

43640
4

Est.
A-1256

C. 108^{сд.}

1-й экз.

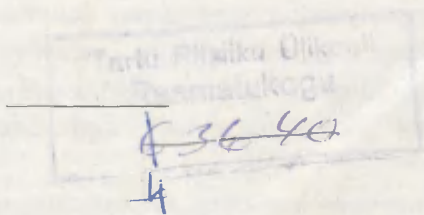
II
9,20



КАΘΕΔРА РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ЮРЬЕВСКОМЪ (ДЕРПТСКОМЪ) УНИВЕРСИТЕТѢ.

Къ столѣтію существованія университета
1802—1902.

Составилъ
по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ
Е. В. Пѣтуховъ.





I.

Нѣсколько историческихъ замѣчаній о русскомъ наукѣ какъ предметѣ преподаванія въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ.

При самомъ основаніи Дерптскаго университета, по дарованномъ ему временнымъ правиламъ — Высочайше утвержденному плану 4 мая 1799 года и присоединеннымъ къ нему измѣненіямъ 5 января 1802 года — полагался „учитель російскаго языка“, который долженъ былъ, кромѣ обученія желающихъ русскому языку, исполнять еще и обязанности университетскаго переводчика (§ 85). Но уже по уставу, утвержденному 12 сентября 1803 года, въ числѣ другихъ, еще тогда немногочисленныхъ, кафедръ положена была и кафедра русскаго языка и литературы, представителями которой должны были быть „ординарный профессоръ Россійскаго языка и Словесности, который также ведетъ російскую учебную переписку по препорученіямъ университетскаго правленія“ (§ 86. С. 2) и „лекторъ Россійскаго языка, который состоитъ въ должности переводчика при университетскомъ Совѣтѣ“ (§ 87. А. 1).

Не смотря на равноправное съ вѣнней стороны положеніе кафедры русскаго языка и литературы на ряду съ другими кафедрами философскаго факультета, обученіе этимъ предметамъ съ самаго же начала не было сдѣлано обязатель-

нымъ. Это обстоятельство, вытекавшее изъ взгляда на русскій языкъ со стороны первыхъ организаторовъ учебной части Дерптскаго университета какъ на языкъ иностранный, подобно другимъ иностраннымъ языкамъ, сдѣлалось въ самомъ университетской средѣ и цѣлаго ряда запросовъ и распоряженій со стороны высшаго начальства, которое не могло не видѣть въ государственномъ языкѣ гораздо болѣе важнаго и существеннаго элемента университетскаго обученія, чѣмъ это представлялось административной и педагогической корпораціи университета, совершенно чуждой тогда обще-русскихъ государственныхъ интересовъ.

Остановимся въ краткихъ чертахъ на относящихся сюда болѣе выдающихся фактахъ¹⁾.

Уже 25 мая 1804 года Совѣту доложено было предписаніе попечителя Ф. И. Клингера о томъ, чтобы при выдачѣ аттестатовъ объ окончаніи университетскаго курса, особенно тѣмъ молодымъ людямъ, которые имѣютъ намѣреніе посвятить себя государственной службѣ (юристы, медики), обращалось вниманіе на основательное знаніе ими русскаго языка, при чемъ предлагалось Совѣту учредить особую комиссію для производства испытаній по русскому языку изъ трехъ членовъ — профессоровъ Глинки, Шерера и Стикса, которые одни только изъ всего тогдашняго состава университетскаго Совѣта были знакомы съ русскимъ языкомъ²⁾.

1) Матеріаломъ для настоящаго очерка послужили намъ документы, находящіеся въ дѣлахъ университетскаго архива подъ заглавіемъ: *Acta des Conseils der Kaiserlichen Universität zu Dorpat, betreffend die Russische Sprache. Vol. I—II.* Документами этими воспользовался также, въ значительной степени, проф. А. С. Будиловичъ для своей статьи „Объ успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ университетѣ въ истекающемъ столѣтіи. Юрьевъ 1899.“

2) Вѣроятно, въ тѣсной связи съ этимъ предписаніемъ находится заявленіе попечителя въ отчетъ Главному Управленію Училищъ отъ 9 іюня 1804 года, что какъ изъ рапортовъ университета, такъ и по собственнымъ личнымъ наблюденіямъ онъ замѣтилъ, что русскій языкъ тамъ „не въ должномъ уваженіи“ (Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. № VII. Спб. 1804, стр. 83).

Но какъ дѣйствовала эта коммиссія и насколько предписаніе попечителя имѣло вліяніе на успѣшный ходъ занятій русскимъ языкомъ въ университетѣ, въ точности неизвѣстно; послѣдующіе факты подсказываютъ въ этомъ отношеніи скорѣе отрицательный, нежели положительный отвѣтъ.

15 іюля 1813 года попечитель указывалъ Совѣту на необходимость, вмѣстѣ съ скорѣйшимъ замѣщеніемъ вакантной тогда, послѣ смерти А. С. Кайсарова, профессуры русскаго языка и литературы, также и того, чтобы вообще въ университетѣ и подвѣдомственныхъ ему школахъ обращалось болѣе, чѣмъ до сихъ поръ, вниманія на знакомство учащихся съ русскимъ языкомъ; именно, министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій, на котораго въ данномъ случаѣ ссылается Клингеръ, писалъ: „(прошу) и вообще болѣе нецѣль о томъ, чтобы россійской языкъ въ училищахъ округа его (т. е. университета) и въ самомъ университетѣ успѣшнѣе былъ преподаваемъ, нежели какъ сіе доселѣ происходило къ ущербу собственной славы и чести университета“.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ министра заключается отчасти упрекъ дѣятельности двухъ первыхъ профессоровъ русскаго языка и литературы въ Дерптскомъ университетѣ, Г. А. Глинки (1802—1810) и А. С. Кайсарова (1810—1813), но справедливость требуетъ сказать, что въ сущности главная вина лежала не на нихъ, а на той учебной системѣ въ университетѣ, которая выделяла для русскаго языка и литературы лишь служебную и самую незначительную роль¹⁾.

1) Гораздо позднѣе, въ 1860 году, плохое обученіе русскому языку въ Дерптскомъ университетѣ въ первое десятилѣтіе его существованія послужило даже предметомъ осмѣянія въ литературѣ. Именно, д-ръ Бертрамъ (Bertram) въ своихъ „*Medicinische Geschichte aus dem Innern Russlands*“, напечатанныхъ въ журналѣ *Inland* 1860, рассказываетъ въ комическихкихъ чертахъ, излагая прошлую жизнь своего героя, о томъ, какъ учили русскому языку въ Дерптѣ во времена проф. Глинки, и какъ легко доставалось отъ профессора удостовѣреніе въ знаніи русскаго языка (№ 34, S. 622—623). Замѣчательно, что это обличеніе заднимъ числомъ нашло себѣ отраженіе и въ дѣлахъ университетскаго Совѣта. Отдѣльный дерптскій цензоръ почелъ нужнымъ послать оттискъ этихъ рассказовъ

Въ 1819—1820 гг. между членами Совѣта возникло разногласіе касательно роли русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ. Поводомъ послужило обсужденіе предложеннаго медицинскимъ факультетомъ плана занятій стипендіатовъ-медиковъ, вслѣдствіе учрежденія 5 ноября 1819 года при университетѣ т. наз. „Медицинскаго Института“ на сорокъ казенныхъ воспитанниковъ для приготовленія врачей на государственную службу. Въ виду того, что Совѣтъ оставался при прежнемъ взглядѣ на роль русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, профессоръ „положительнаго государственнаго и народнаго права, политики, исторіи правъ и юридической словесности“ Нейманъ (J. G. Neumann), иностранецъ по происхожденію, бывшій прежде профессоромъ въ Казани и первый читавшій въ Дерптѣ, во второмъ десятилѣтіи нынѣшняго столѣтія, лекціи на русскомъ языкѣ¹⁾, выступилъ съ особымъ, подробно мотивированнымъ мнѣніемъ, въ которомъ доказывалъ, что для выполненія прежнихъ предписаній начальства о надлежащемъ знакомствѣ студентовъ университета

д-ра Вертрама попечителю фонъ-Брадке, который, въ свою очередь, при письмѣ отъ 26 августа 1860, препроводилъ его въ Совѣтъ университета и предложилъ дать объясненія. Совѣтъ поручилъ дать эти объясненія проф. Розбергу, который въ письмѣ къ Совѣту (7 сент. 1860) ограничился только вполнѣ формальнымъ отзывомъ въ томъ смыслѣ, что онъ ничего не можетъ сказать о состояніи обученія русскому языку въ Дерптскомъ университетѣ 50 лѣтъ тому назадъ, но что теперь, по крайней мѣрѣ со времени его вступленія въ должность профессора русскаго языка и литературы, дѣло обученія ведется и экзамены производятся согласно существующимъ правиламъ и узаконеніямъ.

1) (Th. Beise.) Die Kaiserliche Universität Dorpat während der ersten fünfzig Jahre ihres Bestehens und Wirkens. Dorpat 1853, S. 70. О Нейманѣ бібліотекаръ Дерптской университетской бібліотеки Э. Андерсъ, слушавшій его лекціи во время своего студенчества въ 1823—1829 годахъ, такъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Er sprach das Russische deutlich aus, war aber der gründliche Kenner besonders des älteren russischen Rechtes und beschäftigte sich so eingehend und vergleichend mit dem älteren slavischen Rechte, dass er auch seine Zuhörer mit Schaffariks slavischer Grammatik bekannt zu machen suchte, damit sie die älteren russischen Rechtsquellen verstehen könnten. Die anderen Zuhörer blieben bald weg, ich allein war ihm treu“ (Baltische Monatsschrift. B. XXXIX. 1892, S. 220).

съ русскимъ языкомъ слѣдовало бы принять такую мѣру: или принимать въ университетъ только тѣхъ молодыхъ людей, которые при вступленіи окажутъ удовлетворительныя познанія въ русскомъ языкѣ, или, если это, въ виду неудовлетворительной постановки преподаванія русскаго языка въ среднихъ школахъ, пока не достижимо, то обязать всѣхъ вообще студентовъ, желающихъ получить аттестатъ объ окончаніи ими университетскаго курса, основательно записаться русскимъ языкомъ въ университетѣ и сдать соотвѣтствующій экзаменъ, безъ чего и самый аттестатъ не можетъ быть выданъ. Но въ виду затруднительности примѣненія даже и такой мѣры при данныхъ условіяхъ, Нейманъ предлагать, какъ уступку обстоятельствамъ, слѣдующія условія: 1. При пріемѣ вновь поступающихъ студентовъ подвергать ихъ испытанію по русскому языку; въ случаѣ, если они не окажутъ надлежащихъ познаній, то принять ихъ въ университетъ, но дать имъ опредѣленный срокъ, напр. одинъ годъ, въ теченіе котораго они должны приготовиться ко вторичному испытанію по русскому языку. 2. Объявить теперешнимъ студентамъ, что имъ рекомендуется прилежно заняться русскимъ языкомъ, съ указаніемъ на то, что знаніе этого языка безусловно необходимо всѣмъ, желающимъ поступить по окончаніи курса на государственную службу, и что при окончательныхъ испытаніяхъ будетъ производимъ строгій экзаменъ по русскому языку, а недостатокъ познаній въ этомъ языкѣ будетъ особо отмѣченъ въ аттестатахъ.

Мнѣніе проф. Неймана вызвало обширное возраженіе ректора Густава Эверса. Сущность этого возраженія сводится къ слѣдующему. Онъ не согласенъ съ мнѣніемъ проф. Неймана объ обязательности знакомства съ русскимъ языкомъ для всѣхъ студентовъ, такъ какъ знаніе этого языка не является въ равной мѣрѣ необходимымъ для всѣхъ оканчивающихъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ. Всего болѣе необходимо оно для юристовъ, будущихъ судей и адвокатовъ; но избирающіе этого рода дѣятельность сами должны позаботиться о пріобрѣ-

теи нужныхъ имъ познаній въ русскомъ языкѣ; университетъ же, съ его широкой академической свободой, долженъ предоставить каждому лишь возможность въ его стѣнахъ научиться русскому языку. Для богослововъ знаніе русскаго языка не представляется необходимымъ; къ тому же, это было бы непосильной задачей для тѣхъ изъ нихъ, которые обладаютъ лишь посредственными способностями, такъ какъ и безъ того они должны изучать нѣсколько языковъ: еврейскій, греческій, эстонскій или латышскій; да и вообще, въ предѣлахъ Остзейскихъ губерній можно быть очень хорошимъ пасторомъ и безъ знанія русскаго языка. Медики, не поступающіе на государственную службу, также могутъ съ полнымъ успѣхомъ заниматься практикой въ Остзейскихъ губерніяхъ безъ знакомства съ русскимъ языкомъ, и можно указать даже въ Петербургѣ и Москвѣ на нѣсколько весьма извѣстныхъ врачей, которые обходятся безъ знанія русскаго языка въ своей практической дѣятельности. Эверсъ вообще того мнѣнія, что рекомендуемая проф. Неймаломъ новыя правила о занятіяхъ русскимъ языкомъ въ университетѣ могутъ быть изданы не раньше, чѣмъ будутъ выработаны и введены новыя правила и планы для среднихъ школъ Остзейскаго края, и что во всякомъ случаѣ такія правила не могутъ имѣть одинаковой обязательности для всѣхъ студентовъ, безъ различія факультетовъ. Онъ полагалъ, кромѣ того, что для достиженія лучшаго знакомства студентовъ съ русскимъ языкомъ необходимо съ одной стороны позаботиться о снабженіи среднихъ школъ хорошими учителями русскаго языка, а съ другой — и въ университетѣ дать учащимся возможность лучше и больше заниматься русскимъ языкомъ, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время.

Свое возраженіе Эверсъ заключалъ нѣсколькими весьма любопытными общими соображеніями, въ которыхъ старался доказать, что принудительныя мѣры относительно русскаго языка противорѣчили бы принципу университетской свободы, особенно въ виду того патріотическаго духа, которымъ всегда

были одушевлены губерніи Лифляндская и Эстляндская относительно Россіи¹⁾.

Полное согласіе съ этимъ мнѣніемъ Эверса выразили профессора: Гизе, Стиксъ, Ламне, Воейковъ (профессоръ русскаго языка и литературы, 1814—1820), Лор. Эверсъ, Цихоріусъ, Дейчъ, Мойеръ, Эрдманъ, Ледебуръ, Моргенштернъ, Гецель. Поэтому нисколько не удивительно, что рѣшеніе Совѣта по поставленному медицинскимъ факультетомъ для казенныхъ воспитанниковъ вопросу оказалось не въ пользу мнѣнія проф. Неймана. Въ утвержденномъ Совѣтомъ „*Studienplan für die Mitglieder des Medicinischen Instituts bei der Kaiserlichen Universität zu Dorpat*“ (1820) относительно русскаго языка въ концѣ только прибавлено: „*Ueberdies (т. е. сверхъ перечисленныхъ раньше научныхъ предметовъ всѣхъ восьми семестровъ) vom Anfange bis zum Ende des ganzen Cursus wöchentlich 4 Stunden Unterricht in der Russischen Sprache*“.

По новому уставу для Дерптскаго университета, утвержденному 4 іюня 1820 года, положеніе каедры русскаго языка и литературы udržано прежнее (§§ 74 и 75).

17 октября 1821 года профессоръ русскаго языка и литературы В. М. Перевощиковъ (1820—1830), по предложенію Совѣта, представилъ планъ занятій по своему предмету для тѣхъ же казенныхъ воспитанниковъ Медицинскаго Института, при чемъ находилъ примѣнимымъ этотъ планъ и къ прочимъ студентамъ всѣхъ факультетовъ. Планъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: 1. Лекторъ русскаго языка долженъ преподавать этимологию и упражнять слушателей въ переводахъ съ русскаго на нѣмецкій. Послѣ того слушатели переходятъ къ профессору. 2. Профессоръ русскаго языка и литературы проходить съ ними синтаксисъ и остальные части грамматики и упражняетъ ихъ въ переводахъ съ нѣмецкаго на русскій и въ разговорахъ. 3. Ознакомившимся основательно

1) Ср. упомянутую выше статью А. С. Будиловича, стр. 34—43.

съ русскимъ языкомъ студентамъ профессоръ читаетъ исторію русской литературы и знакомить ихъ съ лучшими русскими писателями.

Но этотъ утвержденный Совѣтомъ планъ, остававшійся лишь въ предѣлахъ пожеланій и рекомендацій и чуждый обязательнаго характера, не могъ обезпечить надлежащаго стремленія даже казенныхъ стипендіатовъ къ изученію русскаго языка; стремленіе это было настолько слабо и невниманіе ихъ къ русскому столь очевидно, что 18 октября 1822 года Совѣтъ постановилъ предложить декану медицинскаго факультета разъяснить воспитанникамъ Медицинскаго Института настоятельную необходимость знанія ими русскаго языка въ виду возможности назначенія ихъ на службу во внутреннія губерніи Имперіи; а мѣсяца черезъ полтора (9 декабря 1822 года) Совѣтъ постановилъ даже сажать во время ваканцій въ карцеръ тѣхъ студентовъ Института, которые не будутъ усердно заниматься русскимъ языкомъ. Надо думать, что и эта мѣра не имѣла благопріятныхъ послѣдствій, такъ какъ въ 1827 году министръ народнаго просвѣщенія нашелъ необходимымъ указывать Совѣту на то, чтобы казеннымъ стипендіатамъ Медицинскаго Института свидѣтельства объ окончаніи курса выдаваемы были не иначе, какъ по удостовѣреніи ихъ познаній въ русскомъ языкѣ.

Но и въ 20-хъ годахъ, подобно первымъ двумъ десятилѣтіямъ существованія университета, недоразумѣнія съ русскимъ языкомъ — въ виду отсутствія опредѣленныхъ узаконенныхъ правилъ — не исчерпывались однимъ Медицинскимъ Институтомъ. По поводу утвержденія въ соответствующихъ степеняхъ и званіяхъ нѣсколькихъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ 1823 году по философскому факультету, Совѣтъ постановилъ спросить понечителя, въ какой мѣрѣ должны подобныя лица знать русскій языкъ, при чемъ выражено было мнѣніе Совѣта, что тѣ лица, которыя имѣютъ въ виду посвятить себя дипломатической или военной службѣ, должны владѣть русскимъ языкомъ въ томъ размѣрѣ, какой уста-

новленъ учебнымъ планомъ училища для колонновожатыхъ въ Петербургѣ (переведеннаго туда изъ Москвы въ 1823 году), а для всѣхъ остальныхъ достаточно умѣнья переводить съ русскаго на нѣмецкій языкъ; но попечитель князь К. А. Ливенъ въ своемъ отвѣтѣ Совѣту (отъ 17 дек. 1823) не согласился съ мнѣніемъ Совѣта и полагалъ необходимымъ, чтобы всѣ оканчивающіе курсъ студенты, а особенно посвящающіе себя дипломатической или военной службѣ, могли по-русски правильно читать и писать и не только переводить съ русскаго на нѣмецкій, но и наоборотъ и, наконецъ, могли бы болѣе или менѣе свободно объясняться по-русски. Въ 1829 году (22 мая) это же подтвердилъ Совѣту и попечитель гр. М. И. Паленъ, по поводу утвержденія въ степени доктора медицины одного лица (І. Ф. Ниндели, не державшаго экзамена по русскому языку), съ напоминаніемъ, что никто не можетъ быть утвержденъ въ ученой степени безъ доказательства на экзаменѣ удовлетворительныхъ познаній въ русскомъ языкѣ. Но насколько подобныя предписанія попечителя лишены были характера обязательности, видно изъ того, что противъ этого указанія гр. Палена высказался въ особомъ представленіи Совѣту (отъ 18 іюня 1829) деканъ медицинскаго факультета проф. Ф. Эрдманъ, находившій требованіе знанія русскаго языка неосновательнымъ для тѣхъ изъ оканчивающихъ курсъ медиковъ, которые пожелають заниматься медицинской практикой лишь въ предѣлахъ „нѣмецкихъ провинцій Россіи“. Такого рода отношеніе университета къ распоряженію попечителя является тѣмъ болѣе характернымъ и любопытнымъ, что еще въ январѣ 1825 года попечителемъ была сообщена Совѣту (и 24 марта того же года заслушана послѣднимъ) Высочайшая воля о томъ, „чтобы по Дерптскому университету и по всѣмъ училищамъ его вѣдомства обращено было вниманіе на преподаваніе русскаго языка, подобно какъ сіе исполняется въ другихъ университетскихъ округахъ“¹⁾.

1) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. I, изд. 2. Спб. 1875, ст. 1792.

Не лучше шло дѣло съ русскимъ языкомъ въ Дерптскомъ университетѣ и въ послѣдующія десятилѣтія.

16 декабря 1836 года была выражена (и 28 декабря того же года черезъ попечителя Г. Б. Крафстрема въ Совѣтѣ заслушана) Высочайшая Императора Николая I воля „1) строго подтвердить Дерптскому университету, чтобы никто не былъ удостоиваемъ званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лектора безъ достаточнаго знанія русскаго языка, и 2) черезъ пять лѣтъ никого въ сей университетъ не принимать въ студенты, ежели не выдержитъ предварительнаго строгаго экзамена въ основательномъ знаніи русскаго языка“¹⁾. Но время шло, и со стороны университета, повидимому, не было ничего предпринято для того, чтобы привести въ исполненіе эту волю, которая по содержанію своему представляла къ тому же на половину уже извѣстное университету требованіе, какъ обязательное въ прежнее время, но оставшееся безъ исполненія; и вотъ, министръ народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уваровъ²⁾, уступая очевидно силѣ вещей, принужденъ былъ 15 декабря 1839 г. войти къ Государю Императору съ докладомъ, въ которомъ, указавъ на трудности выполненія Высочайшей воли отъ 16 декабря 1836 года, просилъ: отерочить силу этого указа до 16 декабря 1845 года, т. е. на четыре года, по обоимъ выраженнымъ тамъ пунктамъ, а до того времени „оказывать нѣкоторое снисхожденіе къ недостаточному знанію сего предмета (русскаго языка), преимущественно студентамъ, вступившимъ въ университетъ до 1836 года“; послѣ же этого

1) Сборникъ постановленій, т. II, отд. 1 (изд. 2, Спб. 1875), ст. 1209.

2) По поводу болѣе ранняго доклада его Государю о плохихъ успѣхахъ русскаго языка въ Балтійскихъ губерніяхъ (7 мая 1838), академикъ Г. Ф. Парротъ, бывшій ректоръ Дерптскаго университета, въ письмѣ императору Николаю I (отъ 8 марта 1838) съ большой горячностью протестовалъ противъ „этихъ безпрестанныхъ нападковъ на незначительный успѣхъ русскаго языка въ Балтійскихъ провинціяхъ“, находя, что онѣ „исходятъ отъ лицъ, не понимающихъ дѣла“, хотя ему было извѣстно, что съ мнѣніемъ гр. Уварова согласенъ былъ самъ Государь (Русская Старина 1895, № 4, стр. 214—215).

срока, „всеѣ правила касательно изученія русскаго языка считать равно относящимися и къ богословскому факультету“. Докладъ заканчивался такими словами: „Съ моей стороны осмѣливаюсь заключить изъ похвального и единодушнаго стремленія студентовъ Дерптскаго университета къ достиженію благотворной цѣли, ими вполне постигнутой, что, принявъ съ благоговѣніемъ сей знакъ списхожденія, правительствомъ временно оказываемый къ прежнему недостатку средствъ для изученія родного языка, одна лишь крайность побудить немногихъ воспользоваться льготою времени, дарованною имъ великодушнымъ вниманіемъ Вашего Величества, и что ни одинъ изъ нихъ не утратитъ ничего изъ благонамѣреннаго усердія своего къ приобрѣтенію знанія, очевидная польза коего для нихъ несомнѣнна“. На этотъ докладъ гр. Уварова положена была слѣдующая Высочайшая резолюція: „Быть по сему. Я несомнѣнно надѣюсь, что въ скоромъ времени изъ среды Дерптскихъ студентовъ найдутся многіе, которые въ состояніи будутъ поступить въ учителя русскаго языка въ самомъ краѣ, ибо отличный духъ ихъ мнѣ давно извѣстенъ“¹⁾.

Безъ сомнѣнія, въ связи съ этимъ выраженіемъ Высочайшей воли послѣдовало 8 іюля 1845 года распоряженіе гр. Уварова о томъ, что поступившіе въ Дерптскій университетъ послѣ января 1845 года не могутъ получить соответствующихъ дипломовъ иначе, какъ доказавъ свое умѣнье исполнѣ грамматически - правильно выразить свои мысли на русскомъ языкѣ; а затѣмъ, профессоръ русскаго языка и литературы М. П. Розбергъ (1836—1867), согласно предложенію попечителя, представилъ Совѣту 4 ноября 1845 года планъ упрядоченія преподаванія русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ.

Планъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: 1) Тѣ студенты, которые приняты въ университетъ до конца 1845 года съ

1) Сборникъ постановленій, т. II, отд. 1, ст. 1567—1570.

отмѣткой на приѣмномъ экзаменѣ по русскому языку 3 (три)¹⁾, обязаны сначала два семестра сряду посѣщать лекціи лектора русскаго языка, состоящія изъ изустныхъ переводовъ съ нѣмецкаго языка на русскій и изъ грамматическихъ къ нимъ объясненій; затѣмъ, они переходятъ къ профессору русскаго языка и литературы и слушаютъ у него сначала два семестра лекціи по объясненію русскихъ поэтовъ и прозаиковъ, а потомъ также два семестра принимаютъ участіе въ практическихъ занятіяхъ, состоящихъ въ разборѣ и исправленіи письменныхъ переводовъ съ нѣмецкаго языка на русскій и небольшихъ сочиненій. 2) Тѣ, которые приняты съ отмѣткой 2 (два), должны въ теченіе одного семестра слушать лекціи у лектора и затѣмъ перейти къ тѣмъ же занятіямъ у профессора, какъ и студенты первой категоріи. 3) Наконецъ, тѣ студенты, которые приняты съ отмѣткой 1 (единица), должны, минуя лектора, прослушать у профессора одинъ семестръ объясненій русскихъ писателей и затѣмъ два семестра практическихъ занятій. 4) Посѣщеніе лекцій по исторіи русской литературы и соотвѣтствующій экзаменъ должны быть обязательны лишь для тѣхъ студентовъ, которые готовятся къ дипломатическому поприщу или посвящаютъ себя изученію филологіи, исторіи и въ особенности русской литературы.

Этотъ планъ былъ утвержденъ (17 янв. 1846) лишь на три года. 7 іюня 1849 года проф. Розбергъ предложилъ Совѣту внести въ него слѣдующія измѣненія: 1) тѣ студенты, которые приняты съ отмѣткой по русскому языку 1, должны прослушать у профессора два семестра объясненій русскихъ авторовъ и два семестра заниматься практическими упражненіями; 2) тѣ же, которые приняты съ отмѣткой 2, должны сначала одинъ семестръ посѣщать лекціи лектора и затѣмъ сначала два семестра слушать у профессора объясненія авторовъ, а потомъ три семестра принимать участіе въ практическихъ упражненіяхъ.

1) При той системѣ, по которой 3 обозначало удовлетворительно, 2 — хорошо, 1 — очень хорошо.

Въ такомъ видѣ планъ этотъ опять былъ утвержденъ (26 авг. 1849) на три года, а 14 февраля 1853 года снова утвержденъ былъ безъ измѣненій на дальнѣйшее время, безъ указанія срока¹⁾.

Въ маѣ 1848 года попечитель Крафстремъ увѣдомилъ Совѣтъ университета, что министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ ему о неблагопріятномъ впечатлѣніи, вынесеннымъ генералъ-губернаторомъ прибалтійскихъ губерній княземъ А. А. Суворовымъ относительно слабаго знакомства съ русскимъ языкомъ въ предѣлахъ Остзейскаго края даже среди тѣхъ лицъ, которыя учились въ Дерптскомъ университетѣ; по этому поводу попечитель предлагалъ ректору обсудить основательно этотъ вопросъ и сообщить ему свои заключенія о мѣрахъ, какія могли бы быть приняты въ этомъ отношеніи. Ректоръ Нейе (Fr. Neue) пригласилъ для обсужденія этого вопроса, кромѣ проф. Розберга, еще профессоровъ Бунге, Тобиша и Бидлера, и въ отвѣтъ своемъ попечителю старался объяснить невыгодное впечатлѣніе князя Суворова нѣкоторыми соображеніями въ пользу той мысли, что Дерптскій университетъ въ этомъ не виноватъ: можетъ быть, тѣ лица, которыя подали поводъ къ заключенію князя Суворова, не окончили полнаго курса въ Дерптскомъ университетѣ и не сдали установленнаго экзамена по русскому языку; кромѣ того, слѣдуетъ различать положеніе дѣла до утвержденія правилъ, составленныхъ проф. Розбергомъ въ 1845 году, когда дѣйствительно русскій языкъ слабо преподавался въ Дерптскомъ университетѣ, и послѣ утвержденія этихъ правилъ, когда положеніе дѣла значительно улучшилось. Проф. Розбергъ въ особой запискѣ своей по этому же поводу (отъ 9 іюня 1848) тоже старается привести объясненія и оправданія, указывая на то, что въ особенности въ послѣднія 12 лѣтъ знакомство съ русскимъ языкомъ въ предѣлахъ Остзейскихъ губерній значительно поднялось въ разныхъ слояхъ

1) Ср. у А. С. Будиловича стр. 9—16.

общества, и что университет со своей стороны старается воспользоваться всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами, чтобы доставить студентамъ возможность основательно познакомиться съ русскимъ языкомъ.

14 апрѣля 1860 г., при попечителѣ Е. Ф. фонъ-Брадкѣ, было утверждено министерствомъ слѣдующее выработанное проф. Розбергомъ „Положеніе о преподаваніи русскаго языка и словесности въ Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ“ :

1. Курсъ преподаванія Русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ составляютъ слѣдующіе предметы :

- а) Исторія русской словесности читается въ теченіе двухъ семестровъ по 3 часа въ недѣлю, такимъ образомъ, чтобы въ I семестрѣ была окончена исторія словесности до Петра Великаго, а въ II семестрѣ отъ Петра Великаго до новѣйшихъ временъ.
- б) Исторія русскаго языка читается въ теченіе одного семестра по 2 часа въ недѣлю.
- в) Русскія древности проходятся въ I семестрѣ по одному часу въ недѣлю.
- г) Объясненія замѣчательнѣйшихъ прозаиковъ и стихотворцевъ XIX столѣтія производятся каждое въ теченіе одного семестра по 3 часа въ недѣлю.
- д) Практическія упражненія въ письменныхъ переводахъ и сочиненіяхъ каждый семестръ по 2 часа въ недѣлю.
- е) Упражненія въ изустныхъ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и обратно каждый семестръ по 3 часа въ недѣлю.

Примѣчаніе. Предметы, означенные подъ лит. а, б, в, г, читаются профессоромъ русскаго языка и словесности; упражненія въ изустныхъ переводахъ производятся подъ руководствомъ лектора; письменныя же упражненія въ переводахъ и сочиненіяхъ производятся профессоромъ предмета и лекторомъ, по взаимному ихъ соглашенію.

2. Студенты Дерптскаго университета обязаны слушать слѣдующія лекціи :

а) Студенты, посвящающіе себя изученію русскаго языка и словесности :

Исторію русской словесности вообще,

Исторію русскаго языка,

Русскія древности,

Объясненія замѣчательнѣйшихъ прозаиковъ и стихотворцевъ XVIII и XIX столѣтій,

Письменныя упражненія въ русскихъ переводахъ и сочиненіяхъ.

б) Студенты древне-классической филологіи — всѣ обозначенныя въ предъидущемъ пунктѣ лекціи, за исключеніемъ лишь русскихъ древностей.

в) Прочіе студенты историко-филологическаго факультета, кромѣ студентовъ камеральныхъ наукъ, о которыхъ будетъ изложено ниже сего, освобождаются, сверхъ того, отъ слушанія лекцій исторіи русскаго языка.

г) Студенты дипломатическихъ и камеральныхъ наукъ обязаны слушать :

Исторію русской словесности отъ Петра Великаго до новѣйшихъ временъ,

Объясненія замѣчательнѣйшихъ прозаиковъ и стихотворцевъ XVIII и XIX столѣтій,

Письменныя упражненія въ русскихъ переводахъ и сочиненіяхъ,

Упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и обратно.

д) Для всѣхъ прочихъ студентовъ университета обязательны :

Объясненія замѣчательнѣйшихъ прозаиковъ и стихотворцевъ XVIII и XIX столѣтій,

Письменныя упражненія въ русскихъ переводахъ и сочиненіяхъ,

Упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и обратно.

Примѣчаніе. Для письменныхъ упражненій и для упражненій въ изустныхъ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и обратно назначается для студентовъ, принятыхъ въ университетъ съ № 1 въ русскомъ языкѣ, два семестра, а для поступившихъ съ № 2 три семестра, при чемъ означенныя упражненія распределяются такимъ образомъ, что поступившіе съ № 1 въ теченіе перваго семестра участвуютъ въ изустныхъ и письменныхъ упражненіяхъ, всего по 5 часовъ въ недѣлю, а во второмъ семестрѣ — въ однихъ только письменныхъ упражненіяхъ, по 2 часа въ недѣлю; поступившіе же съ № 2 въ теченіе перваго и втораго семестровъ принимаютъ участіе въ изустныхъ и письменныхъ упражненіяхъ, по 5 часовъ въ недѣлю, а въ третьемъ семестрѣ занимаются одними письменными упражненіями, по 2 часа въ недѣлю.

3. При окончательномъ испытаніи студенты Дерптскаго университета должны доказать слѣдующія познанія въ русскомъ языкѣ:

1. Студенты, посвятившіе себя изученію русской словесности и исторіи:

а) Основательное знаніе исторіи русской словесности съ свободнымъ объясненіемъ замѣчательнѣйшихъ прозаиковъ и стихотворцевъ XVIII и XIX столѣтій, какъ въ отношеніи способа выраженія, слога, такъ и въ отношеніи условій эстетическихъ; ознакомленіе съ исторіею русскаго языка и знаніе русскихъ древностей.

б) Письменное изложеніе мыслей, не только историческаго, но и отвлеченнаго содержанія, при чемъ оказывается снисхожденіе лишь къ оборотамъ не вполне русскимъ.

2. Отъ студентовъ древне-классической филологіи требуются всѣ изложенныя въ предыдущемъ пунктѣ,

- относительно изучающихъ русскій языкъ и словесность или же русскую исторію, свѣдѣнія, кромѣ лишь знанія русскихъ древностей; а кромѣ сего, имъ оказывается нѣкоторое снисхожденіе относительно языка разговорнаго.
3. Прочіе студенты историко-филологическаго факультета, за исключеніемъ студентовъ камеральныхъ наукъ, о которыхъ будетъ сказано ниже сего, освобождаются сверхъ русскихъ древностей и отъ испытанія въ исторіи русскаго языка.
 4. Студенты дипломатическихъ и камеральныхъ наукъ:
 - а) Знаніе исторіи русской словесности отъ Петра Великаго до новѣйшихъ временъ, съ свободнымъ объясненіемъ замѣчательнѣйшихъ прозаиковъ и стихотворцевъ XVIII и XIX столѣтій.
 - б) Письменное изложеніе мыслей, при чемъ могутъ быть допускаемы нѣкоторыя синтаксическія погрѣшности и обороты, не вполне русскіе.
 - в) Полное пониманіе языка разговорнаго и умѣніе изъясняться по - русски.
 5. Казеннокоштные студенты богословскаго¹⁾ и медицинскаго факультетовъ:
 - а) Ознакомленіе съ лучшими представителями русской литературы XVIII и XIX столѣтій.
 - б) Свободный, точный переводъ съ русскаго языка на нѣмецкій и обратно.
 - в) Полное пониманіе языка разговорнаго и умѣніе изъясняться по - русски.

1) 31 мая 1827 года учреждены были 12 казенныхъ стипендій, по 200 рублей сер. каждая, «для тѣхъ молодыхъ людей евангелическаго исповѣданія, кои, приготавливая себя въ духовное званіе и пріобрѣта уже предварительныя свѣдѣнія, потребныя для слушанія лекцій въ богословскомъ факультетѣ Дерптскаго университета, обяжутся, окончивъ въ ономъ курсъ наукъ при таковомъ пособіи, прослужить не менѣе 4 лѣтъ при евангелическихъ приходахъ въ коллегіяхъ или во внутреннихъ губерніяхъ имперіи, также, буде потребуется, въ польскихъ губерніяхъ» (Сборникъ постановленій, т. II, отд. I, ст. 65—66).

- г) Письменное изложѣніе мыслей, при чемъ обращается особенное вниманіе на ясность оного, снисходя только къ ошибкамъ менѣе значительнымъ.

6. Всѣ остальные студенты:

- а) Ознакомленіе съ лучшими представителями русской литературы XVIII и XIX столѣтій.
- б) Свободный, точный переводъ съ русскаго языка на нѣмецкій и обратно.
- в) Беззатруднительное пониманіе разговорнаго языка.
- г) Письменное изложѣніе мыслей безъ значительныхъ грамматическихъ ошибокъ; при чемъ оказывается снисхожденіе къ оборотамъ не вполне русскимъ и не вполне правильной конструкціи.

Но что и по введеніи точныхъ правилъ преподаванія и слушанія русскаго языка и литературы въ университетъ и по опредѣленіи степени обязательности занятій этимъ предметомъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ дѣло все-таки шло неудовлетворительно, и университетъ продолжалъ тяготиться русскимъ языкомъ, это видно изъ обширнаго мнѣнія ректора Фр. Биддера, представленнаго попечителю гр. Кейзерлингу отъ 6 апрѣля 1863 года, вѣроятно въ виду ожидаемаго новаго устава для Дерптскаго университета. Мнѣніе это распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая представляетъ краткій историческій очеркъ положенія русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, а вторая — изложеніе собственныхъ пожеланій автора, въ основу которыхъ положена уже неновая для дерптской университетской корпораціи мысль о томъ, чтобы не считать русскій языкъ въ числѣ обязательныхъ для каждаго окончивающаго курсъ студента предметовъ.

Мнѣніе это настолько любопытно, что мы позволяемъ себѣ привести здѣсь вторую часть его цѣликомъ:

„So wenig verkannt werden kann, dass allen diesen die russische Sprache betreffenden Einrichtungen die wohlwollende Absicht

der Regierung zu Grunde lag, die in Dorpat zu bildenden jungen Männer nicht blos für die engen Grenzen der Ostseeprovinzen, sondern für die Bedürfnisse des ganzen weiten Reichs allseitig vorzubereiten, und ihnen hiermit ein ausgedehnteres Gebiet ihrer Wirksamkeit zu eröffnen; — und so sehr auch in früheren Jahren durch die Mangelhaftigkeit des russischen Unterrichts in den Schulen dieses Lehrbezirks es gerechtfertigt erscheinen konnte, der Universität die zu ihren wissenschaftlichen Aufgaben keineswegs gehörende Ausfüllung solcher elementarer Lücken zu übertragen, so dürfte nunmehr doch nicht unangemessen sein, die Universität von einer ihr durchaus fremden Unterrichtslast zu befreien. Denn seit Decennien schon ist der russische Unterricht in allen Schulen des Lehrbezirks derart geordnet, dass jeder mit dem Maturitätszeugniss zur Universität entlassene Jüngling in der That eine so gründliche und umfassende Kenntniss dieser Sprache sich angeeignet haben muss, wie sie nur irgend in einem Lande erreicht werden kann, für dessen weitaus überwiegende Bevölkerung dies nicht die Sprache des täglichen Verkehrs und gesellschaftlichen Umganges ist. Es dürfte um so zulässiger erscheinen, der Universität diese ihrem Wesen widersprechende Aufgabe abzunehmen, als nicht in Abrede gestellt werden kann, dass durch alle jene Maassregeln das Studium der russischen Sprache auf der Universität keinesweges gefördert ist, und dass, wenn die Kenntniss dieser Sprache gegenwärtig in den Ostseeprovinzen ungleich weiter verbreitet ist als in früheren Jahren, der Unterricht auf der Universität selbst hieran kaum einen nennenswerthen Antheil hat. Zwar sollen alle Studenten den russischen Vorlesungen folgen, und die letzteren sollten daher die allerbesuchtesten sein. Das ist nun bekanntlich nicht der Fall und kann auch gar nicht anders sein. Denn wo soll eine Stunde ausfindig gemacht werden, die Studirenden aller Facultäten, die mit anderen Vorlesungen hinreichend beschäftigt sind, convenirte? Die vielfältigsten Collisionen sind ganz unvermeidlich, und es ist leicht verständlich, dass bei solchem Dilemma dasjenige Fach von den Studenten aufgegeben wird, das einen integrierenden Theil ihres wissenschaft-

lichen Fachstudiums nicht ausmacht. So sind also die Bestimmungen hinsichtlich der obligatorischen russischen Vorlesungen für die grosse Mehrzahl der Studenten ganz unausführbar, der betreffende Collegienzwang wird schliesslich zu einer blossen Geldsteuer; und dass durch ein solches Verhältniss die Achtung vor dem bezüglichen Fach nicht erhöht, das Interesse für dasselbe nicht gefördert wird, bedarf keines Beweises. Ja ich möchte behaupten, dass die für die Mehrzahl der Studenten bestehende absolute Unmöglichkeit die obligatorischen russischen Vorlesungen zu besuchen, der richtigen Würdigung dieses Studienmittels überhaupt Eintrag gethan habe, da der im Aufgeben des regelmässigen Collegienbesuchs in mitunter weiter Verbreitung sich äussernde Leichtsinns entschieden ein Product der letzten Decennien ist.

Ich kann daher die Ueberzeugung nicht abweisen, dass eine totale Aenderung, resp. ein gänzliches Aufgeben der gegenwärtig geltenden Bestimmungen in Bezug auf den russischen Sprachunterricht an der Universität nach allen Seiten hin den Interessen derselben entsprechen würde. Die Entlastung der Universität von elementaren Aufgaben, die doch nur der Schule obliegen; die Aufhebung eines Collegienzwanges, der, weil nicht durchführbar, nur demoralisirend wirkt; die Beseitigung der durch eben diese Zwangsmaassregeln geweckten und genährten Vorurtheile gegen eine Sprache, deren gründliche Kenntniss nicht blos für die Einzelnen, sondern auch für die Stellung der gesamten Ostseeprovinzen höchst wichtig ist, das wären nur die am nächsten liegenden heilsamen Früchte. Das Gewicht aber, das auch die Regierung ihrerseits auf die Kenntniss der russischen Sprache zu legen Grund hat, würde vollständig gewahrt sein, nicht nur durch die Stellung, welche diesem Unterrichtsgegenstande in der Schule angewiesen ist, und durch die auf der Universität gebotene Möglichkeit zu weiterem Fortschreiten auf der gelegten Grundlage, sondern auch durch den wohlberechtigten Platz, den die russische Sprache in der Prüfung behalten würde, welche die Grundlage der Zuerkennung nicht einfach „academi-

scher“, sondern mit wesentlichen staatsbürgerlichen Rechten verbundenen „Grade“ bildet. Gewiss wird das mit jedem Tage dringender hervortretende Bedürfniss nach Bekanntschaft mit der russischen Sprache zu ihrer Verbreitung mehr beitragen, als Maassregeln, die, je mehr sie die Natur des Zwanges an sich haben, die Gemüther auch um so entschiedener selbst von einem als erstrebenswerth erkannten Ziele ablenken.“

Но попечитель гр. Кейзерлингъ въ отвѣтъ своемъ (отъ 11 апрѣля 1863), соглашаясь въ общихъ чертахъ съ доводами Биддера, тѣмъ не менѣе не нашелъ возможнымъ дать его мнѣнію официальный ходъ „въ виду того положенія, которое теперь занимаетъ по волѣ правительства русскій языкъ въ Дерптскомъ университетѣ“¹⁾.

Затѣмъ скоро въ Дерптскомъ университетѣ новый уставъ, утвержденный 9 января 1865 года. По этому уставу положена была на историко-филологическомъ факультетѣ, взамѣнъ бывшей каѣдры „русскаго языка и литературы“, каѣдра „русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще“ (§ 11. Отд. IV), а одна изъ доцентуръ въ концѣ 60-хъ годовъ была обращена на предметъ „русскаго языка и литературы“, по предложенію попечителя гр. Кейзерлинга (отъ 6 ноября 1868 года), который ссылаясь въ данномъ случаѣ на проектъ устава 1865 года (не вошедшее въ текстъ примѣчаніе къ IV § 53) и въ особенности на сопровождавшую его объяснительную печатную записку, гдѣ сказано, что одна изъ штатныхъ доцентуръ должна быть предоставлена русскому языку и литературѣ, и т. о. могло бы быть возмѣщено упраздненіе должности лектора русскаго языка. Въ самомъ дѣлѣ, уставомъ 1865 года лектура русскаго языка была упразднена, и обязанности лектора съ конца 60-хъ годовъ по конецъ 80-хъ несъ доцентъ русскаго языка и литературы, до тѣхъ поръ, пока, въ силу постепеннаго введенія русскаго языка какъ языка

1) Ср. у А. С. Будиловича стр. 50—52.

преподаванія на всѣхъ факультетахъ, кромѣ богословскаго, государственный языкъ не вышелъ изъ положенія иностраннаго: занятія лекторскаго характера оказывались тогда мало-по-малу излишними въ университетѣ, такъ какъ достаточныя свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ слушатели приносили съ собою уже изъ средней школы, подвергшейся почти одновременно съ университетомъ дѣйствию реформы въ томъ же направленіи.

Приведенныя выше правила, утвержденныя 14 апрѣля 1860 года, продолжали дѣйствовать въ университетѣ до 1893 года, когда замѣнены были (предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія попечителю Рижскаго учебнаго округа отъ 12 сентября 1893 года) слѣдующими новыми:

„1. Тѣ изъ студентовъ Императорскаго Юрьевскаго университета, которые получили образованіе въ гимназіяхъ съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ или обучались въ нихъ не менѣе пяти лѣтъ, а равно выдержавшіе въ этихъ гимназіяхъ испытаніе зрѣлости, освобождаются отъ контрольных испытаній по сему предмету.

2. Студенты же, окончившіе курсъ гимназій Рижскаго учебнаго округа въ то время, когда въ сихъ гимназіяхъ велось преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, а равно принятыя въ университетъ по аттестатамъ заграничныхъ гимназій, обязаны сдать въ теченіе университетскаго курса особое испытаніе по русскому языку, въ доказательство полнаго съ нимъ знакомства, какъ теоретическаго, такъ и практическаго. Испытаніе производится въ факультетской комиссіи, съ депутатомъ отъ историко-филологическаго факультета.

3. Въ основу такого испытанія полагается клаузурная работа, состоящая въ письменномъ переводѣ даннаго испытательной комиссіей отрывка съ нѣмецкаго или другого иностраннаго языка на русскій. По разсмотрѣніи перевода членами комиссіи, производится устное испытаніе по содержанію работы для провѣрки ея самостоятельности и знакомства съ русской грамматикой.

4. Посѣщеніе лекцій русскаго языка и литературы необходимо для студентовъ не-филологовъ; но, въ случаѣ желанія, имъ предоставляется записываться на общіе и спеціальные курсы по сему предмету, читаемые на историко-филологическомъ факультетѣ съ уплатою гонорара за такіе курсы на общемъ основаніи“.

Эти правила остаются въ силѣ и до настоящаго времени.

II.

Преподаватели русскаго языка и словесности въ Императорскомъ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ съ 1802 по 1895 годъ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ¹⁾ мы сообщимъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности преподавателей русскаго языка и литературы въ Дерптскомъ-Юрьевскомъ университетѣ, за время его существованія съ 1802 года, по тремъ категоріямъ: 1) профессора, 2) доценты и 3) лекторы.

А. Профессора.

I. Г. А. Глинка (1802 — 1810).

Григорій Андреевичъ Глинка (1774—1818), первый профессоръ русскаго языка и литературы въ Дерптскомъ университетѣ²⁾, происходилъ изъ старинной дворянской семьи и приходился двоюроднымъ братомъ Сергѣю Николаевичу и Оедору Николаевичу Глинкамъ, извѣстнымъ дѣятелямъ и писателямъ эпохи Отечественной войны двѣнадцатаго года.

1) Въ основу его положены слѣдующія дѣла университетскаго архива: Acta des Conseils und Directoriums der Kaiserlichen Universität zu Dorpat, betreffend: Gregori Glinka, Andrei Kaissarow, Alexander Wojeikow, Wassily Perewoschtschikow, Michael Rösberg, Alexander Kotljarski, Paul Wiskowatow, Wladimir Jakowlew, Mstislaw Prachow, Arkady Sokolow, J. Fr. Thörner, Fr. G. Bunge, Alexander Tichwinsky, Iwan Pawlowsky.

2) Кафедра эта была предложена первоначально знаменитому историку Н. М. Карамзину, но онъ отъ нея отказался (Обзоръ дѣятельности Импер. Дерптскаго университета. На память о 1802 — 1865 годахъ. Дерптъ 1866, стр 96).

Образованіе получилъ онъ въ Пажескомъ корпусѣ; выпущенный оттуда въ 1797 году, онъ поступилъ на военную службу и дослужился до чина штабсъ-капитана, но въ 1800 году вышелъ въ отставку и исполнять нѣкоторое время обязанности цензора иностранныхъ книгъ въ Кронштадтѣ. При основаніи университета въ Дерптѣ, Г. А. Глинка избранъ былъ еще не вполне сформировавшейся коллегіей профессоровъ 24 декабря 1802 года на должность „учителя“ русскаго языка и литературы въ этомъ университетѣ и 22 января 1803 года былъ перенезбранъ тѣмъ же совѣтомъ въ экстраординарные профессора, съ жалованьемъ въ 1500 р. въ годъ; но министръ народнаго просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій утвердилъ его въ званіи ординарнаго профессора съ жалованьемъ въ 2000 р. Последнее обстоятельство вызвано было, повидимому, починомъ попечителя Клингера, хотя оно не было пріятно ни ему, ни университету, что можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ въ письмѣ Клингера къ ректору Ф. Г. Парроту, изъ Петербурга, отъ 13 марта 1803: „Wegen Glinka musste man thun, was geschehen ist, und es war unsere Pflicht als Ausländer der Nation in ihm ein Kompliment zu machen, durch die wir da sind. Doch that ich es nicht um meinetwillen, sondern der Universität wegen, und es ward sehr gut aufgenommen. Nur wird G. bei Ihnen nicht viel thun können, da Sie, wie ich weiss, einen so schlechten russischen Lehrer¹⁾ haben, zu dem die Studenten gar nicht gehen wollen“²⁾.

Вступленіе на ученую службу, въ качествѣ профессора, дворянина изъ извѣстной фамиліи было въ то время явленіемъ настолько необыкновеннымъ, что Н. М. Карамзинъ въ издаваемомъ имъ тогда „Вѣстникѣ Европы“ (1803, ч. IX, № 11, стр. 197) счелъ нужнымъ посвятить этому особую замѣтку „Дворянинъ-профессоръ въ Россіи“, въ которой отнесся къ Глинкѣ по этому поводу съ большимъ сочувствіемъ.

1) Это былъ Іосифъ Елаичъ, лекторъ русскаго языка; о немъ ниже.

2) M. Rieger, Briefbuch zu „Friedrich Maximilian Klinger. Sein Leben und Werke“. Darmstadt 1896, S. 241.

Во время своей профессорской службы въ университетѣ Глинка былъ однажды (30 мая 1804) избранъ на должность декана историко-филологическаго отдѣленія философскаго факультета срокомъ на одинъ годъ, съ 1 іюля 1804.

Глинка читалъ студентамъ всѣхъ факультетовъ слѣдующіе семестральные курсы: „Русскій языкъ по грамматикѣ изд. Академіи Наукъ (Сиб. 1802)“ (иногда этотъ курсъ читался на французскомъ языкѣ), „Русская литература“ (по своимъ запискамъ), „О похвальныхъ рѣчахъ Ломоносова“, „Объ эпическихъ поэмахъ Хераскова: Россіада и Владиміръ“, „Русское стихосложеніе“, „Всеобщая грамматика, по Destutt de Tracy Grammaire raisonnée, Paris 1803“; кромѣ того, онъ велъ практическія упражненія студентовъ въ „русскомъ стилѣ“.

5 декабря 1808 г. Глинка вошелъ въ Совѣтъ университета съ просьбой, написанной на французскомъ языкѣ, о содѣйствіи Совѣта передъ высшимъ начальствомъ касательно повышенія его, Глинки, изъ надворныхъ совѣтниковъ въ чинъ коллежскаго совѣтника. Онъ писалъ такъ: „Entre plusieurs avantages qui sont établies dans l'Empire de Russie en faveur des sujets qui servent l'Etat, l'avancement d'un grade à l'autre, après qu'on l'a servi de son mieux pendant un nombre d'années réquis, est sans contredit au nombre. Comme je présume de pouvoir faire l'application de l'ordonnance en question à ma personne, je supplie très-humblement le Conseil de l'Université Impériale d'employer sa médiation pour faire valoir ma juste pretention. Je me consolerais très facilement en cas que ma sollicitation ne sera pas agréée par mes préposés, mais rien ne pourra me dissuader pour que le procédé contraire à celui que je m'attends ne soit purement arbitraire.“ Прошеніе это было заслушано Совѣтомъ, который и представилъ просьбу Глинки на усмотрѣніе попечителя Ф. И. Клингера; но попечитель, въ отвѣтъ своемъ Совѣту отъ 5 января 1809, выставяетъ на видъ неправильность дѣйствій Совѣта въ дѣлѣ, въ которое онъ совсѣмъ не долженъ былъ вмѣшиваться; самый тонъ прошенія Глинки попечитель находитъ не вполнѣ приличнымъ и отрицаетъ вся-

кую возможность докладывать о подобныхъ просьбахъ министерству или Сенату; наконецъ, попечитель выставляетъ на видъ Совѣту, что для служебной переписки Дерптскому университету присвоено лишь два языка, нѣмецкій и русскій, и Глинка долженъ былъ обращаться въ Совѣтъ только на одномъ изъ этихъ языковъ. Тѣмъ не менѣе, Глинка, вѣроятно благодаря вліянію въ Петербургѣ, достигъ своей цѣли: указомъ Сената 10 іюля 1809 г. онъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ переименованъ за усердную службу изъ надворныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе.

Этотъ небольшой эпизодъ не могъ, конечно, послужить для Глинки къ укрѣпленію связи его съ Дерптскимъ университетомъ, службой въ которомъ онъ, повидимому, тяготился и не особенно дорожилъ. 19 марта 1810 онъ подалъ слѣдующее прошеніе объ отставкѣ, снова на французскомъ языкѣ, не смотря на указаніе попечителя: „*Mes circonstances de famille, et plus que cela encore, la persuasion intime où je suis que je n'opère pas tout le bien que j'espèrai pouvoir faire en acceptant à l'Université de Dorpat la place de ma profession, pour laquelle j'ai sacrifié et mes vues sur un avenir plus avantageux pour moi, et la pension, dont je jouissais avant mon installation, ces deux motifs, dis-je, l'un plus impérieux que l'autre, m'obligent actuellement à demander ma démission de l'Université Impériale de Dorpat. En quittant à regret cette Université je ne cesserai jamais de former des vœux sincères pour sa prospérité et je serai toujours le partisan et l'admirateur le plus zélé de cet Institut littéraire.*“ Министръ графъ А. К. Разумовскій, въ своемъ увѣдомленіи попечителю Клинггеру (отъ 14 мая 1810), выразилъ согласіе на увольненіе Глинки отъ занимаемой имъ должности.

Въ приведенномъ прошеніи самъ Глинка въ довольно общихъ чертахъ указываетъ на причины своего рѣшенія оставить службу въ Дерптскомъ университетѣ: семейныя обстоятельства и внутреннее убѣжденіе, что онъ не приносилъ своей службой университету той пользы, какую надѣялся принести. Официальный историкъ университета, О. Бейзе,

объясняетъ уходъ Глипки изъ Дерпта сдѣланнымъ ему предложениемъ сопровождать въ путешествіе великихъ князей Николая и Михаила Павловичей¹⁾. Неизвѣстный авторъ „некрологин“ Глипки, помѣщенной въ „Журналъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества“ 1818 № 3, указываетъ только на семейныя обстоятельства (кончину матери). Но, кажется, ближе всего подходитъ къ объясненію дѣйствительной причины оставленія Глилкою Дерптскаго университета его родственникъ Б. Г. Глипка - Мавригъ: „Въ университетскую среду влекла его главнымъ образомъ надежда найти въ обществѣ ученыхъ и притомъ благовоспитанныхъ и добродушныхъ нѣмцевъ возможность къ удовлетворенію, при самой пріятной обстановкѣ, своей любознательности. Но надеждѣ этой не суждено было осуществиться. Ученость не оградила нѣмецкихъ профессоровъ отъ мелкихъ житейскихъ страстей; съ самаго пріѣзда въ Дерптъ Григорія Андреевича, отношенія его къ послѣднимъ явились натянутыми, а впоследствии сдѣлались даже непріязненными. Такого рода отношенія вліяли на него нравственно и побудили его оставить Дерптскій университетъ“²⁾.

Оставивъ Дерптъ, Г. А. Глипка переселился въ свое имѣніе въ Смоленской губерніи и съ увлеченіемъ занялся тамъ сельскимъ хозяйствомъ и улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ³⁾. Въ 1811 году приглашенъ онъ былъ императрицей Маріей Оеодоровной „кавалеромъ“ къ ея августѣйшимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ; кромѣ того, онъ преподавалъ русскій языкъ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, вел. кн. Николаю Павловичу, котораго онъ сопровождалъ въ 1816 году въ путешествіи по Европѣ, и другимъ великимъ князьямъ.

Умеръ Глипка 8 февраля 1818 года, и смерть его, по словамъ С. Н. Глипки, была для всѣхъ неожиданной⁴⁾.

1) Die Kaiserliche Universität Dorpat während der ersten fünfzig Jahre ihres Bestehens und Wirkens, S. 57.

2) Русская Старина 1876 № 9, стр. 77.

3) Записки С. Н. Глипки. Изд. „Русской Старины“. Спб. 1895, стр. 318.

4) Тамъ же, стр. 316—317.

Плодомъ преподавательской дѣятельности и любви къ ученымъ и литературнымъ занятіямъ Г. А. Глипки явились слѣдующіе его труды:

Риторика въ пользу молодыхъ дѣвицъ, которая равнымъ образомъ можетъ служить и для мужчинъ, любящихъ словесныя науки. Сочиненная Г. Гальяромъ. Переводъ съ четвертаго исправленнаго изданія. Спб. 1797.

Книга эта на русскомъ языкѣ посвящена великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, и посвященіе подписано: „Гр. Глипка“. Переводъ Глипки представляетъ не простую передачу французскаго оригинала; во многихъ мѣстахъ русскій переводчикъ дополняетъ приводимые авторомъ примѣры выписками изъ русскихъ писателей, особенно Хераскова, Ломоносова, Державина, Княжнина. Передавая на русскомъ языкѣ приводимые авторомъ отрывки французскихъ поэтическихъ произведеній, переводчикъ пользуется существовавшими уже болѣе или менѣе извѣстными переводами ихъ на русскій языкъ; есть также нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній въ разъясненіе мыслей французскаго автора.

Письмо къ издателю. „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, ч. XVIII. М. 1798, стр. 405.

Убогой Яковъ, у котораго всего довольно. Изъ свѣтскаго философа Ангеля. Тамъ же, ч. XIX. М. 1798, стр. 3.

Стихи на слугай грому. „Инокрена“, ч. X. М. 1801, стр. 390.

Сонъ и смерть. Тамъ же, ч. X, стр. 401.

Время, стихотвореніе. Тамъ же, ч. XI. М. 1801, стр. 30.

Догъ любви. Семейственная картина въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1801.

Лѣтописи царствованія Екатерины II, Самодержицы Всероссийской. Переводъ съ нѣмецкаго. Ч. I. Спб. 1801.

Россійская исторія. Сог. Лезека. Перев. съ франц. Гр. Глинки. Спб. 1802.

Императоръ Александръ въ Ригъ 24, 25 и 26 мая 1802 г. Пер. съ нѣм. Григ. Глинки. Спб. 1802.

Древняя религія славянъ. Митава 1804¹⁾.

Учебная книга руссійскаго языка для употребленія въ эстляндскихъ, лифляндскихъ и курляндскихъ школахъ (Elementarbuch der russischen Sprache). Митава 1805.

Русскій текстъ къ изд. Ф. Лабенскаго: Galerie de l'Ermitage. Спб. 1805—1809.

Переводъ съ нѣм. рѣчи проф. Рамбаха въ сборникѣ: Der 17. Februar 1807 in Dorpat. Feier des Sieges bei Preussisch-Eylau im Namen der Kaiserlichen Universität Dorpat. 1807.

Современныя записки о Россіи въ историческомъ, политическомъ и военнопѣйственномъ отношеніяхъ. Сог. Христофора Манштейна. Пер. съ фр. Григорій Глинка. 2 части. Дерптъ 1810.

Разсужденіе о руссійскомъ языкѣ (Въ примѣчаніи подъ строками: взятое изъ „сокращеннаго курса Россійской словесности г-на профессора Глинки“, въ рукописи). „Вѣстникъ Европы“, издаваемый Михаиломъ Каченовскимъ, ч. LXX. М. 1813, № 15, стр. 172—208 и № 16, стр. 259—276.

Статья эта посвящена сравненію русскаго языка съ французскимъ въ отношеніи этимологій, синтаксиса, словосочетаній,

¹⁾ Оцѣнку этого сочиненія см. у Пыпина, Исторія русской этнографіи, т. I, стр. 72—73.

словаря, стихосложенія — съ приведеніемъ многихъ примѣровъ для доказательства той мысли автора, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ русскій языкъ имѣетъ преимущество передъ французскимъ, гораздо богаче его, хотя и не такъ обработанъ: „нынѣшній отечественной языкъ нашъ, о коемъ многіе судятъ большею частію на удачу, самопроизвольно или по внушенію темнаго и необдуманнаго чувства своего, и на счетъ котораго наговорено множество нелѣпностей какъ въ хорошую, такъ и въ худую его сторону, языкъ сей могъ бы первенствующимъ быть между всѣми почти новѣйшими, если бы при несравненныхъ выгодахъ богатства своего, силы, величества и пріятности онъ заключалъ въ себѣ притомъ большую ясность, опредѣлительность и лучше былъ обработанъ; когда бы мы имѣли у себя передъ глазами въ философическомъ духѣ сочиненныя русскія грамматики и систематически расположенные словари; когда бы сами изобилovali писателями, близкими къ совершенству въ разныхъ родахъ искусства, ума и знаній“ (стр. 177).

II. А. С. Кайсаровъ (1810 — 1813).

Еще до полученія officialнаго извѣщенія о своей отставкѣ, профессоръ Г. А. Глинка, вѣроятно по порученію Совѣта университета, обращался для подысканія себѣ преемника къ исторіографу Н. М. Карамзину. Вотъ отвѣтъ послѣдняго отъ 26 апрѣля 1810, изъ Москвы, сохранившійся въ университетскомъ архивѣ и приводимый здѣсь вполнѣ: „Милостивый государь мой Григорій Андреевичъ! Имѣвъ честь получить ваше письмо, снѣшу сказать въ отвѣтъ, что довѣренность Ваша и Дерптскаго университета для меня весьма лестна; но, къ сожалѣнію, не знаю здѣсь ни одного человека, способнаго заступить ваше мѣсто. Трудно найти русскаго, сильнаго въ языкѣ нѣмецкомъ. Вы желаете знать объ успѣхѣ трудовъ моихъ: благодарю Васъ за сіе любопытство. Я долго не могъ заниматься работою отъ болѣзни: теперь приступаю

къ описанію временъ Василя Димитріевича, правнука Калинина. — Съ душевнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга Николай Карамзинъ“¹⁾).

Представленный самому себѣ въ выборѣ кандидата на вакантную кафедру, Совѣтъ остановился на преподавателѣ Ромбергѣ, котораго и рекомендовалъ попечителю Клингеру для ходатайства передъ министромъ объ утвержденіи въ званіи ординарнаго профессора русскаго языка и литературы. Но попечитель на это не согласился; указывая въ своемъ отвѣтѣ Совѣту (14 іюня 1810, изъ Петербурга) на то, что занимать эту кафедру долженъ непременно человекъ русскій по происхожденію, попечитель предложилъ со своей стороны кандидата въ лицѣ Андрея Сергѣевича Кайсарова (котораго онъ, впрочемъ, по ошибкѣ называетъ Kasarinoff и эту ошибку исправляетъ въ слѣдующемъ своемъ предложеніи Совѣту о томъ же предметѣ 1 іюля 1810); затѣмъ 8 іюля онъ посылаетъ въ университетъ два сочиненія Кайсарова („Versuch einer slavischen Mythologie“ и „Dissertatio de monumentis servis“), изъ которыхъ члены Совѣта могли бы усмотрѣть отличныя познанія предлагаемаго кандидата какъ въ русской словесности, такъ и въ нѣмецкомъ языкѣ. Кандидатура Кайсарова не была симпатична нѣкоторымъ членамъ Совѣта, которые, за устраненіемъ Ромберга, выставили новаго своего кандидата, преподавателя Псковской гимназій Шаврова²⁾. Въ засѣданіи Совѣта 25 августа 1810 происходила баллоти-

1) Изъ дѣла: Acta der philosophischen Facultät, betreffend die Wiederbesetzung erledigter Professuren.

2) Въ университетскомъ архивѣ имѣется письмо этого Шаврова къ Г. А. Глинка (отъ 2 мая 1810, изъ Пскова) по дѣлу о кандидатурѣ Шаврова. Изъ этого письма, между прочимъ, видно, что Совѣтъ университета однимъ изъ требованій къ новому кандидату предъявлялъ чтеніе лекцій на нѣмецкомъ языкѣ, подобно всѣмъ остальнымъ предметамъ университетскаго преподаванія въ тогданшемъ Дерптѣ: „Запросъ — писалъ Шавровъ Глинкѣ — могу ли я преподавать мои лекціи о Россійскомъ языкѣ и словесности на языкѣ нѣмецкомъ, былъ для меня вовсе неожиданный; я и теперь не могу понять, какую пользу могутъ имѣть учащіеся,

ровка обоихъ кандидатовъ, и большинство голосовъ получилъ Кайсаровъ, который 6 сентября 1810 и утвержденъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ званіи ординарнаго профессора русскаго языка и литературы. Получивъ извѣщеніе объ этомъ отъ Совѣта, Кайсаровъ благодарилъ университетъ за избраніе нѣмецкимъ письмомъ отъ 16 ноября 1810, изъ Рязска, на имя ректора, а 1 февраля 1811, въ присутствіи членовъ Совѣта, прочелъ и подписалъ служебную присягу и впервые принялъ участіе въ засѣданіи новой для него университетской корпораціи.

Не смотря на свое кратковременное пребываніе въ Дерптѣ, А. С. Кайсаровъ по своей личности, душевнымъ стремленіямъ, по нравственному складу патуры и по своимъ убѣжденіямъ представляетъ довольно видную фигуру въ ряду лицъ, замѣвавшихъ кафедрѣ русскаго языка и литературы въ Дерптскомъ университетѣ.

А. С. Кайсаровъ (1782—1813)¹⁾ принадлежалъ по своему рожденію къ дворянской семьѣ, имѣвшей помѣстья въ Саратовской и Рязанской губерніяхъ. Воспитаніе получилъ онъ въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ его сверстниками были В. А. Жуковский и А. И. Тургеневъ, а однимъ изъ учителей знаменитый въ свое время въ литературномъ мірѣ А. О. Мерзляковъ. Между этими лицами образовались и надолго сохранились вѣдствіи дружескія связи. Имѣя въ виду окончить полный университетскій курсъ, Кайсаровъ однакоже не могъ этого исполнить,

и даже когда бы они имѣли однѣ лишь предварительныя о Россійскомъ языкѣ свѣдѣнія, если таковыя коллегіи будутъ читаны не по-русски. Что-жъ принадлежитъ до нѣмецкаго моего языка, то надѣюсь, что черезъ годъ времени я въ состояніи буду выполнить такую обязанность, по первые два курса я не могу читать иначе, какъ на Россійскомъ или Латинскомъ языкѣ" (изъ дѣла: *Acta der philosophischen Facultät, betreffend die Wiederbesetzung erledigter Professuren*).

1) Краткую его біографію см. въ Сыпѣ Отчества 1813 № XXV, стр. 237—240; въ *Dörptsche Beyträge für Freunde der Philosophie, Literatur und Kunst*. Herausg. von Karl Morgenstern. Jahrgang 1813. I Band, S. 375—378.

такъ какъ въ 1796 году, вмѣстѣ съ другими молодыми русскими дворянами, Высочайшимъ повелѣніемъ былъ призванъ на дѣйствительную военную службу; сначала онъ служилъ сержантомъ въ Семеновскомъ полку, вскорѣ пропзведенъ былъ въ офицеры и перемѣщенъ въ полевой полкъ, но, дослужившись до штабсъ-капитанскаго чина и чувствуя потребность въ продолженіи образованія, оставилъ военную службу, чтобы посвятить себя занятію науками. Онъ отправился за границу. Значительное время провелъ въ Германіи, гдѣ учился въ Геттингенѣ подъ руководствомъ тамошнихъ университетскихъ профессоровъ Гейне, Геерена и другихъ, и написалъ диссертацию объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, напечатанную въ Геттингенѣ въ 1806 г. на латинскомъ языкѣ и доставившую автору докторскую степень; другимъ плодомъ ученыхъ занятій Кайсарова за границей было сочиненіе по славянской мифологіи, вышедшее въ Геттингенѣ въ 1804 году на нѣмецкомъ языкѣ. Много ѣздилъ онъ также и по въ другимъ европейскимъ странамъ, и, между прочимъ, нѣкоторое время провелъ въ Англіи, въ Шотландіи и въ славянскихъ земляхъ. Въ этихъ путешествіяхъ его сопровождалъ А. И. Тургеневъ, дѣля съ нимъ не только наслажденіе туриста, но и ученіе въ Геттингенѣ и интересъ къ научнымъ работамъ¹⁾. Объ этомъ впоследствии такъ вспоминалъ А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ К. С. Сербиновичу отъ 25 марта 1844 года, изъ Парижа: „Мы нѣкогда путешествовали вмѣстѣ, учились вмѣстѣ въ Геттингенскомъ университетѣ, обѣхали славянскія земли и разстались; онъ остался въ чужихъ краяхъ, въ Англіи отыскивалъ русскую старину и описалъ нѣсколько актовъ, кои мнѣ достались, а я передалъ ихъ вамъ. Желалъ бы передать

1) Къ этому именно времени относится весьма интересное письмо А. Ѳ. Мерзлякова къ А. И. Тургеневу и А. С. Кайсарову вмѣстѣ, отъ 17 сентября 1802 года изъ Москвы, сохранившееся въ бумагахъ Д. Н. Свербеева и недавно опубликованное акад. М. И. Сухоминовымъ въ ст. „А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья“, въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. II. 1897, кн. 1, стр. 25—30.

кое-что изъ его бумагъ, относящихся до славянскихъ древностей . . . Онъ былъ одинъ изъ первыхъ славянофиловъ, и мы вмѣстѣ учились у Шлецера, работали для его Нестора, вмѣстѣ жили и собирали рукописи славянскія и книги — въ Карловѣ (въ Сармѣи Славянской) у митрополита всего славяно-сербскаго и валахійскаго народа, главы всего православнаго духовенства въ Венгріи Стефана Стратиміровича отъ Кульпинъ (von Kulpin), коему Шлецеръ посвятилъ одну часть своего Нестора¹⁾. Въ виду этой товарищеской связи В. А. Жуковский съ большимъ сочувствіемъ, много разъ и въ разное время, упоминаетъ о Кайсаровѣ въ письмахъ къ тому же А. И. Тургеневу²⁾.

Принявъ, по возвращеніи въ Россію, предложенную ему профессору въ Дерптскомъ университетѣ и поселившись въ Дерптъ, А. С. Кайсаровъ изъ тогдашнихъ своихъ нѣмецкихъ товарищей всего болѣе сблизился съ К. Ф. Бурдахомъ, бывшимъ въ 1811—1814 годахъ профессоромъ анатоміи, физиологіи и судебной медицины. Этотъ Бурдахъ, видѣвшій въ А. С. Кайсаровѣ „односторонняго патріотическаго энтузіаста“, мечтавшаго о счастіи цѣлаго человѣчества, оставилъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ весьма сочувственныя о немъ строки: „Einen recht herzlichen Freund gewann ich an dem einzigen Russen unter meinen Collegен, dem Professor Kaysarow. Er war ein edler Mensch und gehörte zu den jungen Russen, welche, von Vaterlandsliebe begeistert, es sich zum Ziele gesetzt hatten, die slavische Nationalität in ihrer freien, selbsteigenen Entwicklung höher zu stellen: Russland sollte nicht mehr den germanischen und romanischen Völkerschaften nachäffen, nicht mehr mit den Formen einer ihm fremden Cultur sich schmücken, sondern durch sich und in seiner Eigenthümlichkeit dem Ideale

1) Н. Барсуковъ. А. И. Тургеневъ въ его письмахъ. Русская Старина 1882, № 5, стр. 449. Ср. сочиненія К. Н. Батюшкова, подъ ред. Л. Н. Майкова, т. I, примѣчанія, стр. 357.

2) Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. М. 1895, стр. 6, 22, 43 и др.

allgemein menschlicher Bildung nachstreben“¹⁾. По сообщенію Бурдаха, Кайсаровъ питалъ сочувствіе къ масонству и мечталъ о близкомъ возрожденіи Россіи²⁾.

Во время своей службы въ Дерптскомъ университетѣ А. С. Кайсаровъ читалъ курсъ „Древняя русская исторія въ памятникахъ языка“ и занимался со студентами „переводами съ русскаго на нѣмецкій и наоборотъ“ и „упражненіями въ русскомъ стилѣ“. Въ 1812 году онъ былъ деканомъ историко-филологическаго отдѣленія философскаго факультета и членомъ университетскаго суда. Кромѣ того, за болѣзнію переводчика Тернера, онъ, по просьбѣ Совѣта, помогалъ ему въ исполненіи его обязанностей. 8 мая 1812 Совѣту доложена была бумага попечителя, въ которой сообщалось, что министръ народнаго просвѣщенія гр. Разумовскій выразилъ неудовольствіе по поводу ошибокъ и неисправностей въ русскомъ языкѣ въ докладываемыхъ ему изъ Дерптскаго университета бумагахъ и, кромѣ того, требовалъ обращать больше вниманія на успѣхи въ русскомъ языкѣ въ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ университету. Кайсаровъ, къ которому если не по существу, то формально (см. § 86 Устава 1803 года) относился этотъ упрекъ, отвѣчалъ на эту бумагу въ Совѣтѣ, приводя оправданія и касательно положенія русскаго въ школахъ, подвѣдомственныхъ университету въ силу учрежденной при немъ съ 1803 года „Училищной Комиссіи“. Совѣтъ къ этому присоединилъ въ свое оправданіе, по поводу неисправностей въ русской перепискѣ, что не имѣетъ средствъ содержать еще одного переводчика, необходимаго для надлежащаго выполненія соотвѣтствующей работы, и напоминаетъ, что уже 8—9 лѣтъ тому назадъ университету дано было право вести переписку исключительно на нѣмецкомъ языкѣ.

1) Rückblick auf mein Leben. Selbstbiographie von K. Fr. Burdach. Leipzig 1848, S. 234.

2) Тамъ же, стр. 248, 569.

Совершенно естественно, что въ пору великихъ историческихъ событій, происходившихъ тогда на сценѣ Европы, въ которыхъ Россія принимала столь видное участіе, патріотическое сердце Кайсарова не могло оставаться совершенно спокойнымъ; онъ рвался къ подвигу и жертвѣ. По случаю побѣдъ, одержанныхъ русскимъ оружіемъ на правомъ берегу Дуная, Кайсаровъ произноситъ съ университетской кафедры 12 ноября 1811 года рѣчь, принятую чрезвычайно сочувственно, переведенную по-нѣмецки и напечатанную немедленно на обоихъ языкахъ на счетъ университета. Рѣчь эта замѣчательна была и еще въ одномъ отношеніи, на которое указываетъ самъ ораторъ: „Какъ утверждается — говорилъ онъ, обращаясь къ своей почти исключительно нѣмецкой аудиторіи — между иноплеменными неразрывная связь? Что сближаетъ ихъ? Что къ одной, общей цѣли побуждаетъ? Языкъ связуетъ ихъ! Языкъ, которымъ они внятно могутъ выражать другъ другу чувствованія сердца, извѣщать души тончайшія движенія. Въ первый разъ раздается русскій языкъ въ семь святилищъ музъ. Въ первый разъ осмѣливается русскій, будучи призванъ гражданами сего града и своими почтенными сотоварищами, употребить языкъ свой въ торжественномъ собраніи сего сословія. Щастливымъ бы я почелъ себя, еслибъ слова мои коснулись не одного слуха, но и сердецъ вашихъ, и воспламенили бы въ нихъ должное уваженіе и привязанность къ языку обильному, красотами исполненному, — къ языку, въ отечествѣ нашемъ господствующему. Щастливъ былъ бы я, еслибъ вы, юноши, ищущіе здѣсь образованія и сердце ваше, желающіе здѣсь содѣлаться полезными членами общества, увидѣли, сколь необходимо для васъ языкъ народа величайшаго въ свѣтѣ, языкъ вашего отечества! Еслибъ вы почувствовали, что безъ него не можете быть истинными русскими! Еслибъ вы убѣдились въ томъ, что въ цѣли, человеческое общество утверждающей, языкъ есть звѣно твердѣйшее; что онъ есть тотъ волшебный камень, посред-

ствомъ котораго исчезаетъ величайшее пространство, и житель одного полюса узнаетъ въ жителѣ другого своего брата!...“ Посланная министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому, рѣчь эта была представлена послѣднимъ Государю, который, по увѣдомленію министра попечителю Дерптскаго округа, „выслушавъ съ удовольствіемъ рѣчь сію, повелѣтъ соизволилъ объявить Кайсарову высочайшее благоволеніе“¹⁾.

Желая принять личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, Кайсаровъ подалъ о томъ соотвѣтствующее заявленіе, и въ іюнѣ 1812 года въ университетѣ было получено отношеніе военнаго министра, главно-командующаго первою западною арміею, Барклая-де-Толли, въ которомъ было объявлено, что Государю императору благоугодно, чтобы профессора политической экономіи Рамбахъ и російской словесности Кайсаровъ немедленно отпразднелись въ главную квартиру первой западной арміи „для препорученій по извѣстному предположенію, удостоенному высочайшаго одобренія“. „Препорученія“ эти заключались въ устройствѣ походной типографіи, для чего Рамбаху и Кайсарову предложено было озаботиться взять съ собою изъ Дерпта „два стана для русской и нѣмецкой печати“, а также пригласить „двухъ переводчиковъ, четырехъ наборщиковъ и четырехъ печатниковъ“²⁾. Явившись въ Вильно, гдѣ тогда помѣщалась главная квартира, и назначенный директоромъ походной типографіи, Кайсаровъ сначала подъ начальствомъ фельдмаршала Барклая - де - Толли, а потомъ князя Кутузова-Смоленскаго, постоянно находился при дѣйствующей арміи, а по смерти послѣдняго вступилъ на дѣйствительную службу въ чинѣ майора въ Московское ополченіе.

Между тѣмъ, университетъ, не имѣя извѣстій о Кайсаровѣ (проф. Рамбахъ возвратился въ Дерптъ въ сентябрѣ 1812 года) и оставаясь уже два семестра безъ преподаванія русскаго языка и литературы, обратился въ мартѣ 1813 къ

1) Сухомлиновъ, назв. ст., стр. 21—23

2) Тамъ же, стр. 11.

попечителю, а послѣдній къ министру, съ заявленіемъ объ этомъ и съ вопросомъ, какъ поступить въ дальнѣйшемъ будущемъ, такъ какъ, за отсутствіемъ Кайсарова, не только „учащіеся слишкомъ уже давно не упражняются въ изученіи русскаго, столь для нихъ необходимаго языка“, но и „совѣтъ университета часто самъ находится въ большомъ затрудненіи, долженъ будучи присылать нужнѣйшія донесенія и предложенія университета въ російскомъ языкѣ“¹⁾. Но Кайсарову не суждено было возвратиться въ Дерптъ: онъ убитъ былъ въ сраженіи при Гайнау, въ Силезіи, 14 мая 1813 года, взорванный на воздухъ вмѣстѣ съ пороховымъ ящикомъ, на которомъ находился.

А. С. Кайсарову принадлежать слѣдующіе печатные труды:

Versuch einer slavischen Mythologie in alphabetischer Ordnung. Göttingen 1804. По-русски это сочиненіе вышло первый разъ въ 1807 году въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: „Славянская мифологія“, а второй разъ въ 1810 году въ Москвѣ же, подъ заглавіемъ: „Славянская и російская мифологія“, хотя содержаніе осталось совершенно то же²⁾.

*Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per Russiam servis. Quam consentiente amplissimo philosophorum ordine pro summis in philosophia honoribus rite obtinendis eruditorum examini subjecit Andreas de Kaisarow mosquensis. Göttingae 1806*³⁾.

Речь о любви къ отечеству, на случай побѣды, одержанныхъ русскимъ воинствомъ на правомъ берегу Дуная.

1) Сухомлиновъ, назв. ст., стр. 12.

2) Объ историческомъ значеніи этого сочиненія см. у Срезневскаго, въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ къ статьѣ А. О. Патеры „Чешскія глоссы въ Mater Verborum“. Сб. II Отд. И. А. Наукъ, т. XIX. Спб. 1878, стр. 120—121; Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, т. I, стр. 72 и особенно въ ст. „Русское славяновѣдѣніе въ XIX вѣкѣ“, В. Евр. 1889, № 7, стр. 270—271; Сухомлиновъ, назв. ст., стр. 13—21.

3) См. объ этой книгѣ у В. Семевскаго „Крестыанскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой пол. XIX вѣка“, т. I (Спб. 1888), стр. 287—291.

Дерптъ 1811. По - нѣмецки: Rede über die Liebe zum Vaterlande, zur Feier der auf dem rechten Donau-Ufer durch die Russischen Truppen erfochtenen Siege, gehalten in der feierlichen Versammlung am 12. November 1811. Dorpat 1811.

Кайсаровъ писалъ и стихотворенія. Одно изъ нихъ, „Моя надежда“, положенное на музыку въ видѣ романса Алферьевымъ, напечатано, съ приложеніемъ нотъ для пѣнія, фортепьяно и гитары, въ „Трудахъ вольнаго общества любителей россійской словесности“ 1818, ч. IV, стр. 223—224.

Кромѣ того, въ недавнее время отысканы и напечатаны письма Кайсарова къ Л. Мушицкому и митрополиту Стратимировичу, а также Л. Мушицкаго къ Кайсарову, писанныя въ 1805 и 1806 годахъ, имѣющія значительный интересъ для исторіи славянской филологіи въ Россіи: П. В. Ягичъ, „Источники для исторіи славянской филологіи“, т. II. Спб. 1897, стр. LXXXVIII — XCII, 694—702.

III. А. Ѳ. Воейковъ (1814—1820).

На оставшееся вакантнымъ послѣ смерти А. С. Кайсарова мѣсто былъ избранъ Совѣтомъ университета 11 марта 1814 года и утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія въ званіи ординарнаго профессора русскаго языка и литературы довольно извѣстный уже тогда литераторъ Ал. Ѳ. Воейковъ, авторъ знаменитой сатиры: „Домъ сумасшедшихъ“.

Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ (1779—1839) получилъ образованіе въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ сблизился съ В. А. Жуковскимъ и впоследствии, въ 1814 году, женился на одной изъ его племянницъ, А. А. Протасовой. Самую профессуру въ Дерптѣ Воейковъ получилъ по ходатайству Жуковскаго, который просилъ своего товарища А. И. Тургенева похлопотать о Воейковѣ относительно Дерпта; хлопоты это, при связяхъ А. И. Тургенева въ Петербургѣ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

14 мая 1814 года Воейковъ, въ рапортѣ Совѣту, далъ обязательство прослужить въ Дерптскомъ университетѣ не менѣе шести лѣтъ. Пріѣздъ его въ Дерптъ значительно замедлился — по объясненію Воейкова, вслѣдствіе неисправной доставки ему официальнаго извѣщенія университета, объ утвержденіи его въ новой должности, въ г. Рязань, гдѣ въ то время Воейковъ находился. Т. о., только въ февралѣ 1815 года Воейковъ прибылъ въ Дерптъ, и 15 февраля принялъ обычную присягу въ присутствіи членовъ Совѣта. Въ продолженіе своей службы въ Дерптскомъ университетѣ Воейковъ часто бралъ отпускъ во время учебнаго времени и нерѣдко опаздывалъ явиться къ опредѣленному сроку, ссылаясь то на семейныя обстоятельства, то на болѣзнь груди и желудка. Лѣтомъ 1816 года Воейковъ отправился въ путешествіе по южнымъ губерніямъ Россіи, для чего и получилъ отъ Дерптскаго университета открытый рекомендательный листъ ко всѣмъ губернаторамъ и архіереямъ, для оказанія ему содѣйствія „къ обозрѣнію всего примѣчанія достойнаго“; прося объ этомъ Совѣтъ университета, Воейковъ мотивировалъ необходимость такого путешествія тѣмъ, что хочетъ написать поэму о князѣ Владимірѣ и поэтому нуждается въ посѣщеніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовалъ герой его будущей поэмы. Впрочемъ, этотъ литературный планъ остался невыполненнымъ.

30 марта 1818 года Воейковъ удостоенъ былъ Дерптскомъ университетомъ степени доктора философіи *honoris causa*, при чемъ въ дипломѣ, ему выданномъ, такая честь мотивировалась Воейкову, какъ „*poetae inter Rutheniae poetas conspicuo carminibus, pariter ac ceteris aliis speciminibus litterariis, linguae patriae excolendae et litterarum elegantiorum studii promovendi causa elaboratis atque editis de patria eruditione bene merito*“.

Въ матеріалахъ, сохранившихся въ университетскомъ архивѣ относительно Воейкова, не разъ встрѣчаются жалобы его на недостатокъ жалованья и на тяжелое матеріальное положеніе и долги. Съ этой стороны дѣла университетъ дол-

женъ былъ считаться даже и по оставленіи Воейковымъ службы въ Дерптѣ: именно, купцомъ Туномъ и книгопродавцемъ Стицинскимъ предъявлены были въ университетскій судъ иски противъ Воейкова, который остался долженъ первому 600, а второму 625 рублей; были также требованія долга и отъ купцовъ Миллера и Вегенера; по этому поводу университетъ велъ съ отсутствовавшимъ Воейковымъ переписку.

25 сентября 1820 года Воейковъ отчисленъ былъ отъ должности въ Дерптскомъ университетѣ, при чемъ въ прошеніи своемъ объ отставкѣ мотивировалъ это грудною болѣзнію; впрочемъ, немедленно по переѣздѣ изъ Дерпта въ Петербургъ, онъ поступилъ на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ и преданъ занятію издательствомъ и журнальной литературой. Умеръ онъ при довольно печальныхъ обстоятельствахъ 16 іюня 1839 года, въ Петербургѣ.

Въ университетѣ были имъ объявляемы слѣдующіе курсы: „Славяно-россійскій языкъ сравнительно съ латинскимъ и французскимъ“, „Синтаксисъ русскаго языка“, „Упражненія въ разговорной русской рѣчи“, „Изложеніе современнаго состоянія русской литературы, съ біографическими и критическими замѣчаніями и съ чтеніемъ образцовъ“, „Критическій анализъ русскихъ авторовъ“, „Объ эпическихъ поэмахъ Энеида, Генріада и Россіада сравнительно“, „Біографіи знаменитѣйшихъ людей Россіи“, „Исторія русской литературы“, „Древняя, средняя и новая русская поэзія“, „Статистика Россіи“.

О профессорской дѣятельности Воейкова офиціальныи историкъ говоритъ такъ: „Его чисто критико-литературныя лекціи, при тогдашнемъ крайне недостаточномъ знаніи студентами русскаго языка, оставались вообще безъ замѣтныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что онъ безпрестанно прерывался его поѣздками; но пріемъ, который онъ дѣлалъ студентамъ у себя въ домѣ, имѣлъ на нихъ полезное образовательное вліяніе“ 1).

1) Обзоръ дѣятельности Императорскаго Дерптскаго университета. Дерптъ 1866, стр. 97.

Весьма рѣзкій отзывъ о Воейковѣ даетъ Н. И. Гречъ: „Онъ былъ совершенный невѣжда; на лекціяхъ своихъ, на которыя являлся очень рѣдко, не преподавалъ ничего, а только читалъ стихи Жуковского и Батюшкова, приправляя свое чтеніе насмѣшками надъ Хвостовымъ, Шишковымъ и проч.“; и далѣе передаетъ разсказъ о томъ, какъ новый понечитель князь К. А. Ливенъ, при первомъ представленіи ему дерптскихъ профессоровъ въ 1820 году, въ самой рѣшительной формѣ выразилъ Воейкову свое негодованіе на посылаемые имъ на своихъ товарищей доносы¹⁾. Въ этихъ сообщеніяхъ, вѣроятно, есть доля пристрастія не въ пользу Воейкова, но вообще, зная легкомысленную подвижность, неосмотрительность, неспокойный и далеко непрямой, мало симпатичный характеръ послѣдняго, а также случайность его появленія на университетской кафедрѣ, безъ достаточной подготовки и любви къ научному труду, трудно защищать его отъ подобнаго рода обвиненій. Слѣдомъ отношеній Воейкова къ его дерптскимъ слушателямъ, которыхъ, по оставленіи Дерпта, привлекалъ онъ къ участию въ издававшемся имъ въ Петербургѣ „Сынъ Отечества“ является шутливое „Посланіе обратное. сирѣчь отвѣтъ російскихъ студентовъ“ къ Воейкову, относящееся, вѣроятно, къ 1821 году²⁾.

Печатные труды А. Θ. Воейкова:

Разныя стихотворенія, до сихъ поръ не собранныя вмѣстѣ. Насколько извѣстно³⁾, самымъ раннимъ изъ нихъ, появившимся въ печати, является „Сатира къ С. (Сперанскому) объ истинномъ благородствѣ“, помѣщенная въ „Вѣстникѣ Европы“ 1806 № 19, стр. 195—201. Изъ послѣдующихъ стихотво-

1) „А. Θ. Воейковъ, біографическій очеркъ“. Русская Старина, 1874 № 3, стр. 625—626.

2) Русский Архивъ, 1892, кн. 2, стр. 259—261.

3) А. Лазаревскій. А. Θ. Воейковъ, библиографическая замѣтка. Сборникъ, издаваемый студентами Импер. С.-Петерб. университета. Вып. I. Спб. 1857, стр. 336.

репій Воейкова особенную извѣстность получила сатира „*Сумасшедшій домъ*“, въ которой выведены слабыя стороны (съ точки зрѣнія автора) всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ русскихъ писателей десятихъ и двадцатыхъ годовъ, не исключая и самого автора сатиры. Это произведение было написано впервые въ 1814 году и затѣмъ нѣсколько разъ дополнялось и передѣлывалось авторомъ вплоть до 1838 года. При жизни Воейкова это его произведение не было напечатано и расходилось въ рукописныхъ копіяхъ; въ 1854—1856 гг. появились изъ него отрывки, и только въ 1857 году первая редакція „*Дома сумасшедшихъ*“ напечатана была цѣликомъ ¹⁾.

Исторія царствованія Лудовика XIV и Лудовика XV, королей французскихъ, съ присовокупленіемъ словаря всѣхъ знаменитыхъ французскихъ мужей: министровъ, полководцевъ, писателей и художниковъ, прославившихся въ царствованіе сихъ государей. Соч. Вольтера; пер. съ франц. Александръ Воейковъ. 4 части. М. 1809.

Образцовыя сочиненія въ прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей. Издалъ Александръ Воейковъ. 5 частей. М. 1811.

Сады или искусство украшать сельскіе виды, въ 4 книгахъ. Соч. Делиля, пер. Александръ Воейковъ. Спб. 1816.

Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, изданное Обществомъ любителей отечественной словесности (А. Тургеневымъ, В. Жуковскимъ,

1) А. Лазаревскій, нап. ст., стр. 339—343. См. также статью о Воейковѣ въ книгѣ Е. Колбасина „Литературные дѣятели прежняго времени“ (Спб. 1859), стр. 243—291, и воспоминанія В. Бурнашова „Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 году и его пятничныя литературныя собранія“, въ Русск. Вѣстникѣ 1871, №№ 9—11.

А. Воейковымъ). 12 частей. Спб. 1815—1817. — Тоже, изданіе второе, исправленное, умноженное и содержащее приложение: Исторія словесности древнихъ и новыхъ народовъ, правила словесности вообще и каждаго рода краснорѣчія и поэзіи въ особенности, соз. Срезневскаго. Издалъ А. Воейковъ. 12 частей. Спб. 1822—1824.

Новое собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ отъ 1816 по 1821 годъ, изданное Обществомъ любителей отечественной словесности (А. Воейковымъ). 4 части. Спб. 1821—1822.

Собраніе новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1825 г. (Издалъ А. Воейковъ). 4 части. Спб. 1824—1826.

Кромѣ того, съ 1821 по мартъ 1822 года Воейковъ издавалъ вмѣстѣ съ Н. Н. Гречемъ „Сынъ Отечества“, съ 1821 по 1828 годъ издавалъ „Русскій Инвалидъ“, въ 1825 и 1826 гг., вмѣстѣ съ В. Козловымъ, „Новости Литературы“, съ 1827 по 1830 издавалъ „Славянинъ“, а съ 1831 по 1836 г. „Литературныя прибавленія къ русскому Инвалиду“ — всѣ изданія въ Петербургѣ.

IV. В. М. Перевощиковъ (1820—1830).

Въ преемники Воейкова избранъ былъ Совѣтомъ 4 сентября 1820 года, по предложенію философскаго факультета, въ ординарные профессора русскаго языка и литературы В. М. Перевощиковъ, бывшій до того профессоромъ въ Казани.

Василій Матвѣевичъ Перевощиковъ (1785—1851) первоначальное образованіе получилъ въ Казанской гимназіи, откуда и поступилъ въ тамошній университетъ, при открытіи послѣдняго въ 1805 году; окончивъ въ слѣдующемъ

1806 году университетскій курсъ, Перевощиковъ немедленно опредѣленъ былъ учителемъ въ Пензенскую гимназію, въ 1809 году удостоенъ былъ отъ Казанскаго университета степени магистра словесныхъ наукъ и 5 іюня того же года назначенъ былъ туда адъюнктомъ для преподаванія сначала исторіи, географіи и статистики Россійской имперіи, а потомъ — русской словесности; въ 1811 г. назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1814 — ординарнымъ. Въ бытность свою въ Казанскомъ университетѣ Перевощиковъ принималъ участіе въ университетскихъ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“, „Ученыхъ Запискахъ“ и „Казанскомъ Вѣстникѣ“; 5 іюля 1814 года онъ говорилъ тамъ рѣчь „О пользѣ наукъ вообще и въ особенности о пользѣ Казанскаго университета“¹⁾.

20 октября 1820 года послѣдовало утвержденіе министромъ народнаго просвѣщенія избранія Перевощикова въ Дерптскій университетъ. Благодаря за это избраніе университетъ, въ письмѣ отъ 15 ноября 1820 изъ Казани, Перевощиковъ между прочимъ писалъ: „Даю твердое слово честнаго человѣка исполнять все обязанности, возлагаемыя Уставомъ Дерптскаго университета и прочими начальственными постановленіями на профессоровъ его; священнымъ долгомъ для себя поставлю содѣйствовать, по мѣрѣ силъ моихъ, благосостоянію его и славы“. Прибытіе Перевощикова въ Дерптъ нѣсколько замедлилось болѣзнію жены его, и только 6 апрѣля 1821 года онъ могъ принять въ первый разъ участіе въ засѣданіи университетскаго Совѣта и привести обычную присягу.

Курсы, веденные Перевощиковымъ въ университетѣ, были слѣдующіе: „Исторія русской литературы, съ обзоромъ произведеній наиболѣе выдающихся писателей“, „Исторія русской литературы, по словарямъ писателей митр. Евгенія и Новикова“, „Критическія объясненія русскихъ прозаиковъ и поэтовъ“,

1) Напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 № 18. Свѣдѣнія эти извлечены изъ „аттестата“ Перевощикова, находящагося въ дѣлахъ архива Дерптскаго университета; см. также Н. Вулича „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета“, ч. I (Казань 1887), стр. 632—633.

„Русскіе поэты и прозаики, съ филологическимъ и эстетическимъ объясненіемъ“, „Исторія русской литературы по соч. Шафарика *Geschichte der slavischen Sprache und Literatur*“, „Упражненіе въ разговорномъ русскомъ языкѣ“, „Правила русскаго языка“, „Русская грамматика“, „Письменные и устные переводы съ нѣмецкаго на русскій“.

Въ 1826 г. Перевощиковъ, сверхъ вакаціоннаго времени, бралъ мѣсячный отпускъ въ Петербургъ, въ виду сочиняемой имъ „Исторіи россійской словесности“, для чего ему необходимо было осмотрѣть нѣкоторыя рукописи и книги въ петербургскихъ книгохранилищахъ.

Въ ноябрѣ того же 1826 года Перевощиковъ, согласно требованію высшаго начальства, представилъ ректору университета, для доставленія въ министерство, трактатъ „О способѣ ученія россійскому языку и его словесности въ Дерптскомъ университетѣ“, но въ маѣ 1827 года попечитель округа кн. К. А. Ливенъ потребовалъ, черезъ ректора университета, отъ Перевощикова его курсъ, читаемый имъ студентамъ — хотя бы въ рукописи, если онъ еще не напечатанъ, мотивируя это соображеніями о пользѣ дѣла и заботами высшаго начальства о постановкѣ преподаванія этого предмета въ Дерптскомъ университетѣ, какъ и въ другихъ университетахъ имперіи, на подобающую ему высоту. Въ отвѣтъ на это требованіе, Перевощиковъ далъ 6 іюня 1827 года, на имя ректора, такое объясненіе:

„Отъ юности моей донынѣ занимаюсь я изученіемъ россійской словесности и ея исторіи, по особенной склонности, по важности предмета и по должности. Въ теченіе двадцати и болѣе лѣтъ собиралъ я книги о сей наукѣ, каталоги рукописямъ, хранящимся въ различныхъ россійскихъ библіотекахъ (напр., въ Синодальной, Новгородской, Академіи Наукъ и пр.), дѣлалъ извлеченія изъ рукописей, которыя разсматривать позволяли мнѣ обстоятельства (напр., изъ рукописей Императорской Публичной библіотеки и графа Румянцева). Сіе ученіе, сіи запасы внушили мнѣ смѣлость помыслить о сочиненіи

полной Исторіи Россійской Словесности. Я приступилъ къ тому и уже обработалъ нѣкоторыя части. Періоды отъ появленія Славенскаго народа въ исторіи до Владиміра І Святославича и отъ введенія христіанской вѣры въ Россію до нашествія Монголовъ почти кончены; изъ новѣйшихъ временъ жизнеописанія и разсмотрѣнія сочиненій св. Димитрія Ростовскаго, Теофана Прокоповича, Кантемира, Ломоносова были даже напечатаны въ Вѣстникѣ Европы на 1822 годъ.

Но сей трудъ продолжается весьма медленно. Причинами тому — должностныя занятія, слабость моего здоровья, пребываніе мое почти на границѣ Россіи, въ губерніяхъ нѣмецкихъ, и паче всего самый предметъ. Мужамъ ученымъ, занимающимся Россійскою Словесностію, извѣстно, сколь она богата различными произведеніями. Сіи произведенія еще не были никѣмъ разсмотрѣны съ здоровою критикою; величайшая часть оныхъ даже не напечатана; доселѣ не имѣемъ мы ни одной книги объ Исторіи Россійской Словесности, написанной подробно, основательно и безпристрастно. Занимающемуся нынѣ Исторіею Россійской Словесности надлежитъ самому читать великое множество сочиненій, напечатанныхъ и рукописныхъ, изслѣдывать ихъ, произносить свое сужденіе. Почти каждое изъ нихъ требуетъ долговременныхъ трудовъ и изысканій. Такъ, разсмотрѣніе свойствъ языка Славенскаго вообще, лѣтописей руссійскихъ токмо до 1240 года занимали меня цѣлыя годы.

Что касается до моихъ преподаваній о Исторіи Россійской Словесности въ Дерптскомъ Университетѣ, то я произвожу ихъ по весьма краткому начертанію всѣхъ главныхъ предметовъ, служащему пособіемъ токмо памяти, по большей же части безъ онаго. обстоятельныя повѣствованія, изъясненія и сужденія предлагаю словесно. Я никогда не преподавалъ и не преподаю уроковъ по книгѣ или по тетради, но всегда изустно. Для сего przygotowляюсь ежедневно по пособіямъ, означеннымъ выше и въ моемъ конспектѣ.

Нынѣ высшее начальство обратило благосклонное вниманіе

на труды мои и потребовало отъ меня учебной книги о Исторіи Россійской Словесности. Сіе лестное порученіе я готовъ исполнить. Въ непродолжительномъ времени я представлю на его усмотрѣніе предисловіе (въ которомъ изложу мысли мои о составленіи учебной книги о Исторіи Россійской Словесности) и введеніе (оно будетъ содержать повѣствованія о народѣ и языкѣ Славенскомъ отъ древнѣйшихъ временъ до введенія въ Россію христіанской вѣры). За ними послѣдуетъ самая Исторія Россійской Словесности, расположенная на четыре періода, означенные въ моемъ конспектѣ. При семъ осмѣливаюсь изъяснить мое желаніе, чтобы высшее начальство, или кому соизволитъ оно поручить разсмотрѣніе моего сочиненія, удостоили меня своими замѣчаніями, дабы я могъ, по ихъ исправленіямъ и предначертаніямъ, совершить трудъ истинно полезный русскому юношеству.

Въ заключеніе всеусерднѣйше и всепокорнѣйше прошу высшее начальство о милостивомъ способствованіи моимъ начинаніямъ какъ въ составленіи учебной книги, такъ и полной Исторіи Россійской Словесности. При всей моей ревности я вижу ясно, что собственныя мои средства и пособія къ тому недостаточны. Мнѣ необходимо нужно имѣть еще многія книги (изъ коихъ нѣкоторыя по рѣдкости или по обширности ихъ стоятъ значительныхъ суммъ) и разсмотрѣть и описать важнѣйшія рукописи, хранящіяся въ разныхъ русскіихъ городахъ, особенно въ Санктпетербургѣ, Новѣгородѣ, Москвѣ и ея окрестностяхъ. Я желалъ бы употребить послѣднія силы мои единственно на совершеніе предпринятыхъ мною сочиненій. Монархи паче не щадятъ никакихъ изживеній на пользу просвѣщенія: мудрое и попечительное начальство наше способствуетъ всѣмъ ученымъ предпріятіямъ (многія начинанія нынѣшнихъ моихъ товарищей подкрѣпляются весьма значительными пособіями): посему я питаю себя надеждою, что и мои намѣренія и посильные, ревностные труды будутъ удостоены благосклоннаго вниманія, покровительства и содѣйствія. Вашій Перевощиковъ“.

Получивъ это объясненіе, попечитель увѣдомилъ ректора университета, что онъ представилъ его министру народнаго просвѣщенія, а тотъ передалъ на разсмотрѣніе Ученаго Комитета Главнаго правленія училищъ. Комитетъ выразилъ желаніе получить обѣщанныя Перовоциковымъ „предисловіе“ и „введеніе“ къ его курсу „Исторіи русской словесности“, чтобы судить о способѣ и качествахъ его преподаванія; поэтому попечитель просилъ передать проф. Перовоцикову, чтобы онъ, какъ только изготавитъ упомянутыя „предисловіе“ и „введеніе“, передалъ ихъ черезъ ректора попечителю для представленія высшему начальству.

Чѣмъ кончились эти сношенія для Перовоцикова, объ этомъ свѣдѣній мы не имѣемъ; но когда въ ноябрѣ того же 1827 года при Дерптскомъ университетѣ учрежденъ былъ столь извѣстный въ исторіи нашего высшаго образованія „Профессорскій Институтъ“¹⁾, имѣвшій цѣлю приготавливать къ профессорскому званію молодыхъ людей, изъ окончившихъ курсы въ университетахъ Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ и Харьковскомъ, то директоромъ этого Института, комплектъ котораго опредѣленъ былъ въ 20 человекъ, назначенъ былъ Перовоциковъ и оставался въ этой должности до конца своей службы въ Дерптскомъ университетѣ. За свою усердную дѣятельность въ этой должности онъ въ маѣ 1829 года удостоенъ былъ монаршаго благоволенія, а въ августѣ того же 1829 и въ маѣ 1830 г. — выраженія признательности со стороны министра народнаго просвѣщенія.

Кромѣ того, въ продолженіе всей своей службы въ Дерптскомъ университетѣ, Перовоциковъ принималъ участіе по своей спеціальности, вмѣстѣ съ профессорами Моргенштерномъ, Франке и Еше, въ учрежденной при университетѣ „Педагогическо-филологической семинаріи“, въ 1824 и 1827 годахъ былъ

1) См. о немъ: G. F. Schmidt, Das Professoren-Institut in Dorpat 1827—1838. Russische Revue, Jahrgang XIX (1881).

деканомъ историко-филологическаго отдѣленія философскаго факультета, въ продолженіе четырехъ лѣтъ занимался дѣлопроизводствомъ университета на русскомъ языкѣ, обозрѣвалъ въ подвѣдомственныхъ университету учебныхъ заведеній состояніе преподаванія русскаго языка и, наконецъ, имѣлъ надзоръ за тѣми изъ обучающихся въ университетѣ студентами, которые находились въ вѣдѣніи Императорскаго Воспитательнаго Дома¹⁾.

14 мая 1830 года Перовицковъ, въ виду совершенно разстроеннаго здоровья, подалъ прошеніе объ отставкѣ, при чемъ просилъ исходатайствовать ему полную пенсію, что и было уважено; онъ получилъ пенсію по 5000 р. асс. въ годъ, какъ видно изъ увѣдомленія попечителя бар. Палена отъ 5 сент. 1830.

Получивъ отставку, Перовицковъ переехалъ на житье въ Петербургъ. Въ 1835 году онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Россійской Академіи, а по преобразованіи ея въ 1841 году въ II Отдѣленіе Академіи Наукъ, былъ въ числѣ почетныхъ членовъ послѣдняго. Въ качествѣ академика, онъ, по порученію Академіи, давалъ въ 1841 году отзывъ объ извѣстномъ трудѣ Шмидта „Корнесловъ русскаго языка“²⁾.

Умеръ онъ 6 октября 1851 года въ Петербургѣ.

О личности Перовицкова и его дѣятельности въ Дерптѣ сохранились воспоминанія лицъ, его знавшихъ; интересно здѣсь привести эти отзывы, не смотря на ихъ разногласіе въ общемъ тонѣ между собою.

Въ числѣ воспитанниковъ Профессорскаго Института былъ знаменитый впоследствии хирургъ и педагогъ-админи-

1) Нѣкоторые свѣдѣнія объ этомъ учрежденіи сообщены въ сочиненіи проф. Г. В. Левицкаго: Астрономы Юрьевскаго университета съ 1802 по 1894 годъ. Юрьевъ 1899, стр. 145—150.

2) Сухомлиновъ. Исторія русской академіи, т. VIII, стр. 292—293; тамъ же VII, 474—475 напечатана записка Шмидта о трудахъ Перовицкова при предложеніи его въ 1835 году въ члены Россійской Академіи.

страторъ Н. И. Пироговъ. Вотъ какъ онъ вспоминаетъ о своемъ бывшемъ директорѣ, въ первую пору жизни ново-учрежденнаго института:

„Перевощиковъ былъ типъ сухого, безжизненнаго, скрытнаго или, по крайней мѣрѣ, ничего не выражающаго бюрократа; самая походка его, плавная, равномѣрная и какъ бы предусмотрѣнная, выражала характеръ идущаго. Цвѣтъ лица пергаментный; щеки и подбородокъ гладко выбриты; рѣчь, какъ и походка, плавная и монотонная, безъ малѣйшаго повышения или пониженія голоса. Перевощиковъ повелъ насъ гурьбою по профессорамъ. По-нѣмецки онъ не говорилъ почему-то, и краткая бесѣда велась или на французскомъ или на смѣшанномъ языкѣ: спрашивали по французски — отвѣчали по нѣмецки, спрашивали по нѣмецки — отвѣчали по французски . . .

Какъ теперь его вижу, идущаго съ нами по улицамъ; этотъ сжатый ротъ, эта кисточка на шлѣпѣ, эта медленная — въ тактъ — поступь и эта скрытая злость противъ мальчишки, ему вовсе незнакомаго!

Перевощиковъ имѣлъ, конечно, инструкцію слѣдить за нашею нравственностью, и онъ, какъ формалистъ, полагалъ, что ничѣмъ не можетъ онъ предъ начальствомъ показать такъ свою заботу о нашей нравственности, какъ посѣщая насъ въ разное время и врасплохъ. Онъ это и дѣлалъ въ началѣ нашего пребыванія въ Дерптѣ“ 1).

Пироговъ сообщаетъ также о скандалѣ, сдѣланномъ Перевощикову студентами на лекціи: „онъ былъ ими выбарабаненъ (ausgetrommelt) также вслѣдствіе его подозрительности, мелочности и безтактной обидчивости“ 2).

Другимъ лицомъ, знавшимъ Перевощикова въ Дерптѣ и оставившимъ о немъ свой отзывъ, былъ весьма извѣстный

1) Пироговъ. Вопросы жизни. Сочиненія т. I. Спб. 1887, стр. 336—337.

2) Тамъ же, стр. 338.

впослѣдствіи музыкантъ - теоретикъ, композиторъ и преподаватель музыки Ю. К. Арнольдъ, учившійся въ то время въ Дерптѣ и знавшій Перевощикова какъ профессора и какъ члена тогдашней немногочисленной русской колоніи этого города.

„Общественная жизнь русской колоніи въ Дерптѣ — пишетъ Арнольдъ — (въ двадцатыхъ годахъ) преимущественно сосредоточивалась въ салонѣ гостепріимнаго семейства профессора русской словесности Перевощикова . . .

Г. Перевощиковъ составилъ себѣ въ исторіи русской филологіи весьма почетное имя своимъ сочиненіемъ о корняхъ славянскаго языка. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ чрезвычайно добросовѣстнымъ и основательнымъ доцентомъ¹⁾, который умѣлъ не только развивать въ юныхъ своихъ слушателяхъ любовь къ нашей литературѣ, но также и проспосабливать ихъ къ ясному, логическому и, сколько возможно, популярному изложенію своихъ мыслей на отечественномъ языкѣ. Къ сожалѣнію, хотя и вовсе не къ удивленію, должно упомянуть, что число его слушателей было необыкновенно ограничено, потому что лекціи его посѣщались преимущественно, можно даже сказать — почти исключительно только членами русской колоніи.

Въ то время гений Пушкина не вполне еще распустилъ свои крылья, и слава Державина и Карамзина довольно твердо еще держалась, хотя она, конечно, съ появленія Жуковскаго на высотѣ русскаго парнаса, замѣтно уже начала меркнуть. Перевощиковъ, какъ само собою разумѣется, былъ горячимъ поклонникомъ послѣдняго, и тѣмъ болѣе еще, что онъ находился съ нимъ въ сродствѣ, такъ какъ супруга нашего профессора была урожденная Воейкова“²⁾.

Зналъ Перевощикова и слушалъ его лекціи довольно извѣстный впослѣдствіи бібліотекаръ Дерптской университетской

1) Т. е. авторъ хочетъ сказать — преподавателемъ, такъ какъ въ формальномъ смыслѣ П. доцентомъ въ Дерптѣ не былъ, а назначенъ былъ прямо ординарнымъ профессоромъ.

2) Воспоминанія Юрія Арнольда. Вып. I. М. 1892, стр. 148—149.

библіотеки Э. Андерсъ, который такъ говорить о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Perewoschtschikow . . . die Universität nur als Schule betrachtete, ohne das geringste Verständniss für academische Freiheit. Beim Vortrage der russischen Literaturgeschichte sprach er allein, die übrigen Lectionen behandelte er als Privatstunden, in denen er übersetzen liess und die eingelieferten Aufsätze, nachdem er sie corrigirt, beurtheilte.“ Объ отношеніи Перевоицова къ Профессорскому Институту Андерсъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности, могущія служить дополненіемъ и объясненіемъ къ приведенному выше отзыву Пирогова: „Er besuchte sie (т. е. стипендіатовъ Института) auf ihren Zimmern, und da mehrere von ihnen ziemlich unordentlich und cynisch lebten, meldete er Solches aus Gewissenhaftigkeit dem Curator Lieven, dabei äussernd, dass sich der Geist unter den Studenten unter dem Rectorat von Ewers verschlimmert habe. Namentlich hatte er sich ungünstig ausgesprochen über den nachher so berühmt gewordenen Professorstudenten Pirogoff. Dieser aber hatte eben der Universität eine ausgezeichnete chirurgische Preisarbeit eingeliefert, die am 12. December mit der goldenen Medaille gekrönt wurde. Ewers, über jene Anklage von Lieven befragt, sandte diesem das Urtheil der medicinischen Facultät (über Pirogoff's Arbeit) und veranlasste zugleich das Conseil die Frage zu beantworten, ob der Geist unter den Studenten sich unter seinem Rectorat verbessert oder verschlimmert habe. Die Professoren sprachen sich einstimmig für das Erstere aus“¹⁾).

Небезынтересными также представляются отношенія Перевоицова къ Н. М. Языкову, извѣстному поэту, студенту-филологу въ Дерптскомъ университетѣ въ 1823—1827 годахъ. Прибывъ въ Дерптъ еще въ 1822 году и готовясь поступить въ студенты, Языковъ, будучи тогда однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ русскаго кружка въ Дерптѣ и пользовавшийся уже значительной литературной извѣстностью, на первыхъ же

1) Baltische Monatschrift. B. XXXIX. 1892. S. 286. 287.

порахъ своего дерптскаго пребыванія сошелся съ Перевощиковымъ. „Они вмѣстѣ читали — говоритъ объ этомъ Д. Н. Садовниковъ — бесѣдовали о прочитанномъ, и Перевощиковъ, какъ человѣкъ, обладавшій большими знаніями, оказывалъ извѣстное вліяніе на молодого человѣка . . . Первыми понятіями объ эстетикѣ, первымъ развитіемъ вкуса Языковъ обязанъ Перевощикову. На многое тогда смотрѣлъ онъ глазами своего профессора“ ¹⁾. Не разъ въ письмахъ къ брату, Николай Михайловичъ передавалъ съ сочувствіемъ отзывы Перевощикова о Пушкинѣ, далеко не отличавшіеся вѣрностію, напр. „что въ его (Пушкина) поэмахъ видно большое дарованіе, но что онъ не имѣютъ полнаго эстетическаго достоинства“, а о „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ въ частности: „Перевощиковъ замѣчаетъ, что у этой поэмы голова преогромная, а туловище съ поготокъ. И сверхъ того, онъ замѣчаетъ, что изъ всѣхъ сочиненій Пушкина онъ видитъ, что онъ самъ не имѣетъ характера и постоянныхъ правилъ нравственности, приводя латинскую пословицу: *qui proficit in litteris et deficit in moribus, plus deficit quam proficit*“ ²⁾. Хотя впоследствии Языковъ и освободился отъ подобныхъ взглядовъ на Пушкина, познакомившись съ нимъ лично и глубже вникнувъ въ его поэзію, тѣмъ не менѣе въ началѣ вліяніе это было очень велико и, видя это, Перевощиковъ — по указанію одного изъ біографовъ Н. М. Языкова — въ своихъ похвалахъ юному поэту „дошелъ до невѣроятныхъ крайностей: онъ прямо отзывался о Языковѣ въ глаза какъ о будущемъ великомъ талантѣ и не начиналъ лекціи, пока послѣдній не входилъ въ аудиторію“ ³⁾.

Наконецъ, нельзя не упомянуть и о литературныхъ связяхъ Перевощикова съ знаменитымъ ученымъ своего времени Евгеніемъ Болховитиновымъ въ быт-

1) Отзывы современниковъ о Пушкинѣ (къ матеріаламъ для его біографіи). Историческій Вѣстникъ 1883 № 12, стр. 521.

2) Тамъ же, стр. 521—522.

3) Шопрокъ. Ник. Мих. Языковъ, Вѣстникъ Европы 1897 № 11 стр. 160.

ность послѣдняго епископомъ Калужскимъ, позднѣе Псковскимъ, а затѣмъ митрополитомъ Кіевскимъ. Объ этихъ связяхъ свидѣлствуютъ письма Евгенія къ Перевощикову 1813 — 1836 годовъ¹⁾. Они касаются почти исключительно литературныхъ и научныхъ предметовъ, при чемъ Евгеній сообщаетъ своему корреспонденту разнаго рода мысли, соображенія и планы, отвѣчаетъ на задаваемые ему вопросы и самъ проситъ о присылкѣ книгъ и о справкахъ въ университетской библіотекѣ и у дерптскихъ профессоровъ. Въ письмахъ этихъ есть также и нѣсколько небезынтересныхъ данныхъ о литературныхъ трудахъ Перевощикова. Напр., еще въ 1813 году Евгеній ободрялъ Перевощикова къ продолженію начатой имъ „Исторіи російской словесности“, о которой говорилъ Перевощиковъ въ приведенной выше его запискѣ, а по поводу напечатанія отрывковъ изъ этого труда, подъ заглавіемъ „Матеріалы для исторіи російской словесности“, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1822 года отзывался о нихъ въ такихъ выраженіяхъ: „въ нихъ ясно виденъ геній исторической критики, и я по симъ отрывкамъ не сомнѣваюсь въ успѣхѣ цѣлой вашей книги“²⁾. Въ письмѣ отъ 16 апрѣля 1821 года изъ Пскова Евгеній пишетъ: „Предпріятіе ваше написать Исторію русскаго языка и словесности достойно и вашего званія и вашихъ свѣдѣній. Исполненіе оного защититъ васъ и отъ упрековъ, коими ваши Дерптскіе ученые осыпали и предмѣстника вашего г. Воейкова, который также думалъ оправдать себя и соотчичей сочиненіемъ книги, подобной вашей“; сообщая далѣе о подобномъ же предпріятіи Греча³⁾, который представилъ свой трудъ въ рукописи Евгенію и просилъ у него совѣтовъ, послѣдній пишетъ Перевощикову въ томъ же письмѣ: „не измѣнивъ довѣренности ко мнѣ сего соперника, я не могу

1) Напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 № 12.

2) Стр. 426.

3) Это — „Опытъ краткой исторіи русской литературы“, вышедшій въ свѣтъ въ 1822 году.

изяснить вамъ ни плана его, ни моихъ замѣчаній; но, по откровенности моей къ вамъ, я могу сказать, что вашъ планъ я несравненно болѣе одобряю и готовъ также служить вамъ моими замѣчаніями, когда доверите мнѣ взглянуть н на исполненіе онаго“ 1). Въ послѣдующихъ письмахъ Евгений, вмѣстѣ съ сообщеніемъ свѣдѣній и указаній, пригодныхъ для труда Перовошкова, побуждалъ его какъ можно скорѣе закончить эту работу и издать въ свѣтъ: „отдѣлывайте вы поскорѣе свою Исторію и не бойтесь критиковъ“, (24 мая 1822) „не унывайте вы въ продолженіи своей Исторіи“ (11 октября 1822) 2). 8 августа 1833 года, изъ Кіева, Евгений писалъ, когда уже Перовошкова не было въ Дерптѣ: „итакъ, не кончивъ еще Исторіи россійской словесности, вы принялись за романы: незавидная перемѣна!“ а 14 января 1834 года: „Увидимъ, какова то ваша будетъ Исторія, естли доживемъ до появленія оной. А вы что-то медленно надъ нею работаете“ 3). Митрополиту Евгенію дѣйствительно не пришлось дожить до окончанія труда Перовошкова, да трудъ этотъ и вообще не былъ законченъ. Черезъ Перовошкова Евгений думалъ устроить печатаніе въ Дерптѣ своего знаменитаго „Словаря свѣтскихъ писателей“ еще въ 1821 году 4), но дѣло это не состоялось.

Что касается научныхъ и литературныхъ трудовъ В. М. Перовошкова, то часть ихъ перепечатана въ сборникѣ: „Опыты, Василія Перовошкова. Дерптъ 1822“ 5). Сюда вошли нѣкоторыя сочиненія автора, напечатанныя раньше въ

1) Стр. 428.

2) Стр. 438, 439.

3) Стр. 446, 447.

4) Стр. 432.

5) Эта книга вызвала слѣдующее замѣчаніе князя П. А. Вяземскаго: „Сочиненія и переводы Перовошкова -- хорошая книга. Онъ -- писатель мыслящій. Жаль только, что онъ предпочитаетъ другой прозъ прозу Ломоносова, Хераскова, Шишкова“ (Старая записная книжка 1813—1852. Соч. IX. 145).

„Цвѣтникъ“ А. Беницкаго и А. Пзмайлова, въ „Московскомъ Музеѣ“ В. Пзмайлова и въ „Вѣстникъ Европы“ М. Каченовскаго въ десятихъ и началъ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. „Нельзя не пожалѣть — говоритъ П. А. Плетневъ въ академическомъ некрологѣ Перевощикова — что въ это собраніе сочиненій его не внесены изъ разныхъ повременныхъ изданій и другіе повѣствовательные его опыты, какъ - то : 1) первое раздѣленіе Россіи на удѣлы, 2) о Россійскихъ лѣтописяхъ, 3) жизнь генерала Кнорринга, 4) жизнь и труды св. Димитрія Ростовскаго, 5) о сочиненіяхъ Хераскова, Ломоносова и Тредьяковскаго“. Переводы его также не всѣ напечатаны въ упомянутомъ сборникѣ, напр. не вошли туда басни и притчи Кrumмахера. „Вообще — продолжаетъ некрологъ — гораздо болѣе осталось трудовъ его въ рукописяхъ, нежели вышло въ свѣтъ. Семейныя утраты были причиною, что В. М. Перевощиковъ дошелъ до печальнаго равнодушія къ прежнимъ своимъ занятіямъ, снѣдаемый замѣтною меланхоліею, въ принадлежкахъ которой онъ перѣдко даже истреблялъ написанное въ лучшее для него время“¹⁾. Дополненіемъ къ этому можетъ служить перечень литературныхъ трудовъ Перевощикова въ упомянутой выше (стр. 53) запискѣ А. С. Шишкова. Перевощикову принадлежитъ также *„Роспись книгамъ и рукописямъ Императорской Россійской Академіи. Спб. 1840“*.

V. М. П. Розбергъ (1836—1867).

Съ уходомъ изъ Дерпта Перевощикова, каѳедра русскаго языка и литературы въ продолженіе шести лѣтъ (1830—1836) оставалась вакантною въ виду неутвержденія избраннаго Совѣтомъ послѣ Перевощикова въ экстраординарные профессоры

1) Отчеты Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе съ его учрежденія. Сост. акад. П. А. Плетневымъ. Спб. 1852, стр. 348—349.

преподавателя Рижской гимназіи Филимона Никитича Святнаго и за отсутствіемъ другихъ кандидатовъ. За это довольно продолжительное время обязанности недостающаго профессора въ извѣстной мѣрѣ исполнялъ лекторъ русскаго языка А. В. Тихвинскій, который и читалъ въ 1832 и 1834 годахъ курсъ „Объясненіе басенъ Крылова“, а въ 1833 и 1835 „Исторію русской литературы по Гречу“. По той же причинѣ былъ онъ и членомъ комиссіи для экзамена студентовъ въ русскомъ языкѣ.

Наконецъ, 25 мая 1835 года деканъ философскаго факультета проф. Нейе (Neue) подалъ въ Совѣтъ записку, въ которой отъ имени факультета рекомендовалъ на вакантную кафедру русскаго языка и литературы преподавателя Риннельевскаго Лицея въ Одессѣ Михаила Петровича Розберга, при чемъ сообщалъ и нѣкоторые свѣдѣнія о жизни и дѣятельности послѣдняго: происходя изъ коренной нѣмецкой семьи, Розбергъ (род. въ 1804 году) однакоже, по полученному имъ воспитанію и образованію, можетъ быть почитаемъ за совершенно русскаго человѣка; онъ хорошо владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ; образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата философій въ 1825 году; въ 1829 году поступилъ на службу къ генералъ-губернатору Бессарабіи и Новороссіи графу М. С. Воронцову, а въ слѣдующемъ году занялъ мѣсто преподавателя русской литературы въ Риннельевскомъ лицей. Сообщивъ затѣмъ перечень ученыхъ и литературныхъ трудовъ Розберга, проф. Нейе выразилъ желаніе факультета, чтобы, въ случаѣ выбора предлагаемаго кандидата, онъ какъ можно скорѣе озабочился пріобрѣтеніемъ степени доктора, необходимой для получения званія ординарнаго профессора. 8 іюня въ засѣданіи Совѣта Розбергъ былъ выбранъ (22 голосами противъ одного), и въ іюль 1835 назначенъ и. д. ординарнаго профессора русскаго языка и литературы, съ упоминаніемъ, что въ этой должности будетъ онъ утвержденъ по пріобрѣтеніи требуемой степени доктора. Получивъ извѣщеніе о своемъ назначеніи, Розбергъ

25 августа 1835 писалъ въ Совѣтъ университета изъ Одессы, что по семейнымъ обстоятельствамъ можетъ явиться въ Дерптъ лишь въ концѣ 1835 или въ началѣ 1836 года; 7 декабря 1835 онъ посылаетъ новое извѣщеніе, что болѣзнь мѣшаетъ ему въ назначенный имъ самимъ срокъ явиться къ мѣсту службы, при чемъ приложено было и свидѣтельство одесскаго городского врача. Одновременно съ этимъ, Розбергъ писалъ о томъ же подробнѣе (на французскомъ языкѣ) ректору, при чемъ приложилъ программу предполагаемаго имъ къ изданію въ Дерптѣ русскаго журнала „Дерптскій Наблюдатель“, прося ректора представить эту программу Совѣту и въ случаѣ одобренія ея послѣднимъ — направить ее министру народнаго просвѣщенія, такъ чтобы къ пріѣзду своему въ Дерптъ онъ могъ уже приняться прямо за дѣло.

Вотъ эта программа:

„Съ Іюля мѣсяца 1836 года имѣя намѣреніе издавать въ Дерптѣ учено-литературный журналъ на руссiйскомъ языкѣ, я въ составъ онаго предцполагаю помѣстить слѣдующія отдѣленія:

I. Науки. Въ семъ отдѣленіи будутъ заключаться статьи о наукахъ вообще: статьи, касающіяся до Исторіи, Географіи, Статистики, Эстетики; извѣстія по части наукъ Естественныхъ, описанія ученыхъ путешествій и т. д. Сюда войдутъ переводы многихъ превосходныхъ статей, помѣщенныхъ въ Дерптскомъ Журналѣ, издававшемся на нѣмецкомъ языкѣ.

II. Словесность. Въ составъ сего отдѣленія войдутъ: повѣсти, отрывки изъ романовъ, рассказы, біографіи знаменитыхъ современниковъ, живописныя путешествія и, по возможности, стихотворенія.

III. Критика и Библіографія. Въ Дерптскомъ Наблюдателѣ будутъ помѣщаться бібліографическія извѣстія объ отечественныхъ и иностранныхъ, по чему-либо замѣчательныхъ, сочиненіяхъ и переводахъ.

IV. Все, что по содержанію своему не можетъ занимать мѣста въ разрядахъ предыдущихъ, войдетъ въ составъ сего послѣдняго. Сюда относятся: отдѣльныя мысли, анекдоты, статьи о нравахъ, извѣстія о занимательныхъ частныхъ событіяхъ и случаяхъ.

Дерптскій Наблюдатель будетъ выходить разъ въ мѣсяцъ, книжками отъ 4-хъ до 6-ти листовъ.

Цѣна за годовое изданіе будетъ опредѣлена въ свое время.

Это намѣреніе Розберга относительно изданія журнала въ Дерптѣ не было осуществлено.

Между тѣмъ, болѣзни и разныя обстоятельства все продолжали задерживать прибытіе Розберга въ Дерптъ, куда онъ пріѣхалъ лишь осенью 1836 года; 21 сентября принялъ обычную присягу (на нѣмецкомъ языкѣ, тогда какъ его предшественники всегда принимали и подписывали ее на русскомъ) и 27 октября 1836 года началъ лекціи.

Еще до своего прибытія въ Дерптъ Розбергъ послалъ, отъ 26 мая 1836 года, изъ Одессы слѣдующую программу курса, которымъ онъ намѣренъ былъ начать свое преподаваніе въ дерптскомъ университетѣ:

„1. О словѣ и языкѣ вообще.

2. Философская Грамматика въ ея приложеніяхъ къ нарѣчіямъ славянскимъ.

3. Отличительныя свойства Славянскаго языка вообще и различіе онаго отъ языковъ восточныхъ и западныхъ, древнихъ и новыхъ.

4. Раздѣленіе Славянскаго языка на разныя вѣтви; вліяніе греческо-византійской словесности на Славянскій языкъ.

5. Языкъ церковно-славянскій.

6. Отдѣленіе языка гражданскаго отъ церковнаго въ Россіи.

7. Древнѣйшіе памятники русской Словесности; лѣтописи; государственные акты; древняя русская поэзія.

8. Вліяніе латинскаго языка на русскій; исторія литературы сего періода.

9. Русскіе духовные ораторы, относящіеся къ сему періоду.

10. Четы - Миней.

11. Преобразование русской словесности Ломоносовымъ; духъ его твореній и подробный разборъ оныхъ.

12. Литераторы, современные Ломоносову, и свойства ихъ сочиненій.

13. Вѣкъ Екатерины II.

14. Царствованіе Александра I.

15. Современная литература.

16. Историко-критическое разсмотрѣніе русскихъ журналовъ со времени появленія оныхъ до настоящаго“.

Въ частности, Розбергъ объявлялъ студентамъ слѣдующіе курсы: „Исторія русскаго языка и литературы съ Петра Великаго и до настоящаго времени“, „Исторія русской литературы по источникамъ, ч. I и II“, „Исторія русской литературы по Гречу (Спб. 1822) и Шевыреву (М. 1845)“, „Чтеніе русскихъ поэтовъ по Христоматіи Пенипскаго (Спб. 1837)“, „Извѣстнѣйшіе русскіе писатели XVIII в., особенно поэты“, „Произведенія русскихъ писателей XIX вѣка“, „Сочиненія Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Козлова, Марлинскаго и др., чтеніе съ объясненіями“, „Сочиненія Державина, Батюшкова, Пушкина и др., чтеніе съ объясненіями“, „Сочиненія Ломоносова, Державина, Жуковскаго, Пушкина и др., чтеніе съ объясненіями“, „Письменные переводы изъ русскихъ писателей на нѣмецкій языкъ“, „Переводы съ нѣмецкаго на русскій изъ соч. Herder'a Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“, „Переводъ на русскій языкъ соч. Gете Reisen nach Italien“.

7 декабря 1838 года Розбергъ защитилъ въ Дерптскомъ университетѣ диссертацию „О развитіи изящнаго въ искусствахъ и особенно въ словесности“ (Дерптъ 1838), изъ которой было сдѣлано извлеченіе на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Compendium sive brevis expositio argumenti dissertationis: De evolutione pulchri in artibus ingenuis, imprimis au-

tem in litteris“. Удостоенный степени доктора философии, Розбергъ 23 дек. 1839 былъ утвержденъ въ должности ординарнаго профессора.

Въ 1840 году проф. Розбергъ производилъ ревизію школъ Дерптскаго учебнаго округа касательно преподаванія въ нихъ русскаго языка; такія порученія давались ему и поздѣе (напр. въ маѣ 1844 года ѣздилъ онъ въ Верро).

Въ мартѣ 1841 года Розбергъ утвержденъ цензоромъ Дерптскаго цензурнаго комитета.

Осенью 1841 избранъ былъ въ адъюнкты Импер. Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, а въ 1849 году — въ экстраординарные академики.

Въ 1844 году, по докладу оберъ-прокурора Св. Синода гр. Протасова, пожалованъ былъ ему брильянтовый перстень за удачное посредничество въ подысканіи лицъ для перевода нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ на латышскій и эстонскій языки.

Въ 1867 году 18 марта заслуженный „профессоръ русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще“ (перепечатанный такъ согласно Уставу 1865 § 11) Розбергъ, согласно прошенію, за выслугою лѣтъ, былъ уволенъ отъ службы въ университетъ съ предоставленіемъ ему полной пенсіи въ размѣрѣ 2001 р. 44 к. сер.

Кромѣ того, съ самаго начала своей службы въ Дерптѣ Розбергъ принималъ, подобно Перевоицкову, участіе въ Педагогическо-филологической семинаріи по своей специальности; въ 1855—58 годахъ былъ онъ деканомъ историко-филологическаго отдѣленія философскаго факультета.

1 ноября 1874 года Розбергъ скончался въ Дерптѣ и тамъ же похороненъ.

Здѣсь нельзя не упомянуть, что Розбергъ былъ въ свое время не только однимъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Пушкина, но и до извѣстной степени связалъ свое имя съ великимъ поэтомъ по отношенію къ Дерптскому университету. Онъ явился на службу въ Одессу пять лѣтъ

спустя послѣ пребываніи въ этомъ городѣ Пушкина, память о которомъ еще живо хранилась тамъ у многихъ; познакомился онъ съ Пушкинымъ осенью 1826 года въ Москвѣ у Веневитиновыхъ, и впослѣдствіи съ большимъ чувствомъ вспоминалъ объ этихъ счастливыхъ дняхъ своей молодости, когда онъ, только что выпущенный тогда кандидатъ Московскаго университета, вращался въ видныхъ московскихъ литературныхъ кружкахъ и былъ свидѣтелемъ возраставшей славы Пушкина. 5 декабря 1830 года написалъ онъ Пушкину изъ Одессы обширное и весьма интересное письмо съ присоединеніемъ въ немъ просьбы къ великому поэту принять участіе своими трудами въ задуманномъ тогда Розбергомъ альманахѣ, который долженъ былъ имѣть по своему содержанію отношеніе къ Новороссійскому краю¹⁾. Поселившись затѣмъ въ Дерптъ, въ виду близости села Михайловскаго и другихъ сосѣднихъ съ нимъ мѣстъ, освященныхъ пребываніемъ тамъ Пушкина или близкихъ ему людей, Розбергъ посѣтилъ лѣтомъ 1856 года эти мѣста и получилъ отъ П. А. Осиповой одинъ изъ немногихъ извѣстныхъ доселѣ первоначальныхъ оттисковъ маски Пушкина, которую и передалъ въ бібліотеку Дерптскаго университета, хранящую и понынѣ въ своихъ стѣнахъ эту драгоценность²⁾.

О Розбергѣ сохранилъ воспоминаніе и упомянутый выше бібліотекаръ Э. Андерсъ: „Er war ein gründlicher Kenner seiner Sprache und Litteratur und auch sonst ein sehr gebildeter Mann, ideenreich und für einen gewissen Cultus des Geistes schwärmend, vielleicht der einzige Cultus, den er anerkannte... Als Professor leistete er nichts³⁾, schwänzte mehr, als dass er

1) А. С. Пушкинъ. Изд. „Русскаго Архива“. I. М. 1881, стр. 34—36.

2) См. письмо Розберга: „Могила Пушкина въ 1856 году“ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1899 № 5 и брошюру Е. Ф. Шмурло „Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящіеся въ бібліотекѣ Импер. Юрьевскаго университета“, Юрьевъ 1899, стр. 19—22.

3) Это не совсѣмъ вѣрно, какъ видно изъ приведенныхъ выше и ниже данныхъ.

Collegia las, und war zufrieden, dass jeder Student mehrere Semester hinter einander Vorlesungen bei ihm belegen und bezahlen musste. Er rühmte sich, beim Examen so humane Forderungen zu stellen, dass kein Student sein wissenschaftliches Fach deshalb zu vernachlässigen brauchte“ ¹⁾).

Ученые и литературные труды М. П. Розберга:

Commentatio de natura ac indole literarum Graecarum et Romanarum, nec non de gravissimis adminiculis, quibus eae alitae, educatae et vigorem adeptae fuerint. Mosquae 1825.

О содержаніи, формѣ и значеніи пластическихъ изящныхъ искусствъ. Рѣчь въ Ришельевскомъ лицей. Одесса 1832.

О главнѣйшихъ особенностяхъ греческой и римской литературы. Журналъ М. Н. Пр. 1834 № 7.

Sur la signification historique de la Russie. Dorpat 1837.
На русскомъ языкѣ напечатано подъ заглавіемъ „Объ историческомъ значеніи Россіи“ въ Ж. М. Н. Пр. 1838 № 1.

О развитіи изящнаго въ искусствахъ и особенно въ словесности. Дерптъ 1838. 2 изд. Дерптъ 1839.

Римъ и Венеція въ 1843 году. Дерптъ 1846.

Штейнъ и Поццо ди Борго. Дерптъ 1847.

Совершенствуется ли достоверность историческая? Дерптъ 1852.

Послѣдніе три труда составляютъ переводы французскихъ сочиненій гр. С. С. Уварова.

Питомцамъ Импер. Московскаго университета, празд-

1) Baltische Monatschrift. B. XXXIX. 1892. S. 295.

нующимъ день его основанія, 12 января 1858 г. въ С.-Петербургъ. Дерптъ 1858.

Кромѣ того, М. П. Розбергъ издалъ вмѣстѣ съ П. Морозовымъ „Одесскій альманахъ на 1831 годъ“ (Одесса 1831); съ 1831 года издавалъ „Одесскія Извѣстія“, а съ 1833-го „Литературные Листы“ — оба въ Одессѣ¹⁾; въ 1832—1834 гг. редактировалъ „Одесскій Вѣстникъ“. Въ 1843 г. была поднесена черезъ министра народнаго просвѣщенія Государю Императору книга „Очеркъ всеобщей исторіи древняго міра“, изданная студентами Дерптскаго университета подъ редакціей Розберга; въ 1845 году, по порученію вел. кн. Михаила Павловича, онъ давалъ свой отзывъ о составленной Н. Гречемъ „Сравнительной русско - французско - нѣмецкой грамматикѣ“.

VI. А. А. Котляревскій (1868 — 1873).

Совѣтъ университета, по оставленіи каведры М. П. Розбергомъ, избралъ ему въ преемники нѣкогого Ст. Барановскаго, но такъ какъ избраніе это не получило утвержденія со стороны высшаго начальства, то 7 окт. 1867 года единогласно избранъ былъ въ Совѣтъ въ и. д. экстраординарнаго профессора, по представленію историко-филологическаго факультета, Александръ Александровичъ Котляревскій, вполнѣдствіи весьма извѣстный ученый славистъ.

Личность и научныя достоинства новаго кандидата въ факультетскомъ представленіи были охарактеризованы въ такихъ выраженіяхъ: „Herr A. Kotljarewski, gebürtig aus dem Gouvernement Charkow, 30 J. alt, hat in Moskau studirt und gelehrte Grade erworben. In diesem Herbst findet eben zu Moskau seine Promotion zum Magister statt. Seine Studien sind

1) О послѣднихъ см. весьма одобрителный отзывъ А. Х. Востокова: Dorpat. Jahrbücher. В. II, Heft 2, стр. 169.

vornehmlich auf Volksliteratur, vergleichende slavische Sprachkunde, russische Archaeologie gerichtet. Er ist, ausser des Russischen, der bedeutenderen lebenden Sprachen mächtig und mit der Literatur seiner Fächer in weitestem Umfang als Gelehrter vertraut; zugleich hat er die umfassendsten bibliographischen Kenntnisse, von deren Bedeutung seine eigene Bibliothek, welche nach Auswahl und Anordnung ein Muster zu nennen ist, glänzendes Zeugniß ablegt. Bei seinem ausgebreiteten wissenschaftlichen Verkehr wie inner- so ausserhalb der russischen Sphäre, bei grosser Kraft der Concentration und strenger, wissenschaftlicher Solidität hat er inmitten der politischen und socialen Bewegungen der jüngsten Jahre einen festen Standpunct unbeirrt behauptet und wird auch noch seitens der bürgerlichen Moral und Zuverlässigkeit von Allen, die ihn näher würdigen gelernt, ohne Vorbehalt geschätzt. Mit diesen gelehrten und sittlichen Vorzügen verbindet er ein freies offenes ingenium“.

Выборъ Совѣта однакоже не получилъ утвержденья министра народнаго просвѣщенія, такъ какъ Котляревскій не имѣлъ еще степени магистра. Тогда Совѣтъ, не желая все-таки лишиться намѣченнаго и избраннаго кандидата, запросилъ Котляревскаго, когда онъ будетъ готовъ со своею диссертацией и получилъ отъ него изъ Москвы, отъ 27 декабря 1867, отвѣтъ, что защита диссертации можетъ состояться черезъ три-четыре мѣсяца, такъ какъ печатаніе ея должно занять не менѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Этотъ срокъ былъ Котляревскому университетомъ предоставленъ, и 26 мая 1868 года изъ Петербурга онъ увѣдомилъ Совѣтъ, что степень магистра имъ пріобрѣтена. 22 іюня того же 1868 года Котляревскій былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще въ Дерптскомъ университетѣ.

По прибытіи въ Дерптъ, Котляревскій 17 августа 1868 былъ приведенъ къ присягѣ на службу въ университетѣ, а 20 августа далъ письменное обѣщаніе о томъ, что не будетъ принадлежать ни къ масонству, ни къ какому иному тайному

обществу; въ этомъ же семестрѣ онъ началъ и свою преподавательскую дѣятельность въ университетѣ.

Въ продолженіе своей профессорской дѣятельности въ Дерптѣ, Котляревскій читалъ слѣдующіе курсы: „Энциклопедія славяновѣдѣнія“, „Теорія древнеславянскаго языка“, „Древности русскаго языка“, „Славянскія древности“, „Исторія славянскихъ нарѣчій“, „Исторія и грамматика древнеславянскаго языка“, „Толкованіе Краледворской рукописи“, „Исторія и древности русскаго языка“, „Исторія славянскихъ литературъ“, „Исторія новой русской литературы“, „Исторія русской литературы съ Карамзина, съ практическими упражненіями“, „Исторія русской литературы съ Петра Великаго“, „Новѣйшіе русскіе писатели“, „Толкованіе новѣйшихъ русскихъ поэтовъ и прозаиковъ“, „Исторія русской литературы XIX вѣка съ Пушкина“, „Практическія упражненія въ русскомъ языкѣ“.

Въ самомъ началѣ своего дерптскаго профессорства Котляревскій такъ писалъ 17 ноября 1868 П. И. Срезневскому: „Кромѣ казенныхъ такъ называемыхъ практическихъ упражненій, я читаю студентамъ курсы исторіи русской литературы и энциклопедію славистики, т. е. попросту сказать филологическое обозрѣніе славянскихъ нарѣчій; на первую имѣю всегда около 30—50 слушателей, на второе — только 5, но за то постоянныхъ, съ любовію занимающихся смѣлымъ и въ стѣнахъ Дерптскаго университета неслыханнымъ доселѣ предметомъ. Это меня радуетъ и поощряетъ къ работѣ. Кромѣ того, съ января у меня на дому учреждается маленькій семинарій для славяновѣдѣнія, всего изъ 3-хъ чловѣкъ: 1 — русскій, 1 — полякъ и 1 — „грекъ духомъ, а родомъ — германецъ“. Влечетъ меня все это и благотѣльно дѣйствуетъ на меня, прогоняя унаслѣдованную отъ отцовъ лѣнь“¹⁾.

1) А. Пыпинъ. Очеркъ біографіи профессора А. А. Котляревскаго (при IV томѣ „Сочиненій А. А. Котляревскаго“, Спб. 1895) стр. LXXXVI.

Кромѣ того, въ осеннемъ семестрѣ 1869 года Котляревскій, по порученію факультета, читалъ курсъ (по кафедрѣ русской исторіи) „Объ источникахъ русской исторіи“.

Въ маѣ 1872 года, по распоряженію попечителя, состоялось въ Ригѣ, подъ предѣтельствомъ Котляревскаго и при участіи доцента русскаго языка и литературы В. А. Яковлева, совѣщаніе преподавателей русскаго языка Дерптскаго учебнаго округа для обсужденія программы по этому предмету.

Еще въ апрѣлѣ 1869 года Совѣтъ университета избралъ Котляревскаго и. д. ординарнаго профессора по занимаемой имъ кафедрѣ, но на выборъ этотъ не послѣдовало утвержденія министерства въ виду того, что Котляревскій не имѣлъ еще степени доктора.

Здоровье Котляревскаго было не изъ блестящихъ, и уже на второй годъ его пребыванія въ Дерптѣ, съ осени 1869 г., появились признаки болѣзни, которая въ послѣдствіи свела его въ могилу¹⁾. Съ этого времени онъ каждый годъ бралъ отпускъ въ невакаціонное время внутри имперіи для лѣченія, а съ 1 октября 1872 командированъ былъ на одинъ годъ для научныхъ занятій за границу, главнымъ образомъ въ славянскія земли. Изъ этой командировки Котляревскій въ Дерптъ уже не возвратился, приславши отъ 23 сентября 1873 года изъ Праги въ университетъ, въ виду разстроеннаго здоровья, прошеніе объ отставкѣ, которая и дана была ему съ 1 октября того же года. По этому поводу попечитель П. К. Жерве такъ писалъ 17 октября 1873 года Котляревскому: „Грустная вѣсть о разстроенномъ вашемъ здоровьѣ, побудившемъ Васъ прекратить плодотворную дѣятельность въ Дерптѣ, глубоко опечалила не только меня, теряющаго въ васъ искренно уважаемаго сотрудника, но и всѣхъ благомыслящихъ русскихъ, видѣвшихъ въ васъ достойнаго представителя науки и надежнаго проводника русскихъ началъ въ нашемъ нѣмецко-русскомъ университетѣ. Съ вашимъ увольненіемъ русская кафедра окон-

1) Пыццъ, назв. соч., стр. ХСШ.

чительно осиротѣла; когда и какъ она будетъ замѣщена — Богъ вѣсть“¹⁾.

Послѣдующая научная и педагогическая дѣятельность Котляревскаго протекла въ стѣнахъ университета св. Владимира, куда онъ былъ избранъ на кафедру славяновѣдѣнія въ январѣ 1874 года. Умеръ онъ 29 сентября 1881 года въ Пизѣ и похороненъ въ Москвѣ.

Обширная біографія А. А. Котляревскаго написана А. Н. Пыпинымъ и включаетъ въ себѣ, между прочимъ, также и нѣсколько любопытныхъ чертъ изъ дерптскаго періода жизни Котляревскаго²⁾.

Сочиненія А. А. Котляревскаго напечатаны отъ имени П Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, въ четырехъ томахъ, Спб. 1889—1895, въ „Сборникѣ П Отд. Ак. Наукъ“, тт. 47—50.

VII. П. А. Висковатовъ (1875 — 1895)³⁾.

Приведенная выше фраза изъ письма попечителя П. К. Жерве къ А. А. Котляревскому, что вслѣдствіе ухода послѣдняго „русская кафедра окончательно осиротѣла“ въ Дерптскомъ университетѣ, объясняется тѣмъ, что незадолго до формальнаго оставленія Дерпта Котляревскимъ, именно весной 1873 г. оставилъ Дерптскій университетъ и второй представитель „русской кафедры“ доцентъ русскаго языка и литературы В. А. Яковлевъ, перешедшій на службу въ Варшавскій университетъ. Совѣтъ университета еще 9 іюня 1873 года, по уходѣ В. А. Яковлева, избралъ, по предложенію А. А. Котляревскаго, и. д. доцента русскаго языка и литературы П. А. Висковатова, на что и получено было въ сентябрѣ 1873 года

1) Пыпинъ, назв. соч., стр. CVIII.

2) Назв. соч., стр. LXXXVII — XC, XCII — CI.

3) Любезно просмотрѣно, по нашей просьбѣ, самимъ Н. А. Висковатымъ.

согласіе министерства, съ тѣмъ, что окончательное утвержденіе его въ этой должности послѣдуетъ по приобрѣтеніи имъ степени магистра въ одномъ изъ русскихъ университетовъ.

Павелъ Александровичъ Висковатовъ (род. 24 ноября 1842 въ Петербургѣ), получивши образованіе дома и въ Ларинской С.-Петербургской гимназіи и выдержавъ испытаніе на аттестатъ зрѣлости, поступилъ въ 1860 году въ Петербургскій университетъ, но въ виду закрытія послѣдняго въ 1862 году продолжалъ образованіе въ Берлинскомъ, Бонскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ; въ послѣднемъ приобрѣлъ степени доктора философіи (диссертация „Jacob Wimpfeling“ напечатана въ Берлинѣ въ 1867 году) и магистра словесности. Проведши довольно продолжительное время заграницей, гдѣ занимался преимущественно всеобщей исторіей подъ руководствомъ Моммсена, Ранке, Альтгауза, Дройзена, Гизо и др., П. А. Висковатовъ вернулся въ Россію и въ іюль 1868 года зачисленъ былъ на службу по военному вѣдомству состоящимъ для особыхъ порученій при генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ. Причисленный затѣмъ, послѣ недолговременнаго чтенія лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ маѣ 1871 года къ министерству народнаго просвѣщенія, П. А. Висковатовъ 25 мая 1871 командированъ былъ на два года съ ученою цѣлію за границу, гдѣ, по порученію министра гр. Д. А. Толстого, знакомился также съ устройствомъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Опредѣленный затѣмъ, какъ выше упомянуто, по возвращеніи изъ заграницы на службу въ Дерптскій университетъ, П. А. Висковатовъ читалъ 25 января 1874 года свою вступительную лекцію въ качествѣ и. д. доцента русскаго языка и литературы; въ весеннемъ семестрѣ 1874 года читалъ, по порученію факультета, курсы по вакантной кафедрѣ русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще.

Затѣмъ, 6 ноября 1874 года Совѣтъ избралъ Висковатова и. д. экстраординарнаго профессора по названной кафедрѣ, на что и послѣдовалъ Высочайшій приказъ 23 декабря

1874 года. Одновременно съ этимъ, онъ исполнялъ и обязанности доцента въ продолженіе обоихъ семестровъ 1875 г. 13 августа 1880 года Висковатовъ Высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ, по избранію Совѣта, и. д. ординарнаго профессора по занимаемой имъ кафедрѣ, въ каковой должности и утвержденъ былъ 18 марта 1885 года. Съ 1 февраля 1895 года П. А. Висковатовъ, по прошенію и съ полной пенсіей, оставилъ службу въ Дерптскомъ университетѣ.

П. А. Висковатовъ въ качествѣ профессора читалъ и велъ слѣдующіе курсы: „Новая русская литература съ Петра Великаго, съ упражненіями“, „Русскіе прозаики и поэты XIX вѣка“, „Литературная исторія древнерусскихъ сказокъ и пѣсенъ“, „Слово о Полку Игоревѣ съ грамматическими и литературными объясненіями“, „Исторія славянскихъ литературъ“, „Славянскія древности“, „Исторія и грамматика древнеславянскаго языка“ (*privatissime*), „Исторія русской литературы XVIII вѣка“, „Русскія древности“, „О поэмѣ Майкова: Два міра“, „Исторія и литература Болгаріи“, „Исторія древней русской литературы и народной поэзіи“, „Сербская литература“ (*privatissime*), „Упражненія надъ отдѣльными писателями и произведеніями русской литературы“ (*privatissime*), „Упражненія въ письменныхъ работахъ“, „Практическія упражненія въ русскомъ языкѣ для юристовъ“. Съ 1879 года курсы П. А. Висковатова обыкновенно дѣлились на „общіе“ (для студентовъ всѣхъ факультетовъ)¹⁾ и „спеціальные“ (для филологовъ). Къ первымъ относятся: „Исторія новой русской литературы“, „Исторія русской литературы съ Жуковскаго“, „Русскіе поэты и прозаики съ Кантемира“, „Русскіе поэты и прозаики съ Карамзина“, а ко вторымъ: „Русскій народный эпосъ“, „Русскія народныя пѣсни и эпосъ“, „Исторія русской

1) Необязательность посѣщенія лекцій русскаго языка и литературы студентами не-филологическаго факультета установлена распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 12 сентября 1893 года (см. выше стр. 24—25), но до этого времени слушать названныя лекціи и сдавать установленный экзаменъ обязаны были студенты всѣхъ факультетовъ.

литературы съ Петра Великаго“, „Исторія литературы сербовъ и болгаръ“, „Славянскія древности“, „Русскіе писатели XI—XVI вв.“, „Исторія русской литературы съ XIV в.“, „Слово о Полку Игоревъ и другіе памятники древнѣйшей эпохи“, „Историко-литературныя упражненія“.

Въ 1876 году П. А. Висковатовъ былъ главнымъ уполномоченнымъ Московскаго Славянскаго Комитета въ Сербіи, а въ 1877 году уполномоченнымъ Общества Краснаго Креста на Дунаѣ.

Намъ извѣстны слѣдующіе принадлежащіе П. А. Висковатову печатные труды:

Jacob Wimpfeling. Ein Beitrag zur Geschichte der Humanisten. Berlin 1867.

О „Фаустѣ“, Гете. Лекціи, читанныя въ залѣ С.-Петербургской Городской думы. Ж. М. Н. Пр. 1871 №№ 6 и 9.

Письма изъ Берлина (о книгѣ Штрауса: Ulrich von Hutten. Leipzig 1871). Ж. М. Н. Пр. 1872 № 2.

Эпоха гуманизма въ Германіи. Вліяніе возрожденія классической литературы на паденіе средневѣковой и начало новой цивилизаціи. Ж. М. Н. Пр. 1872 № 10.

„Два міра“, лирическая поэма А. Н. Майкова. Русскій Вѣстникъ 1873 № 7.

Ueber Typen und Charactere in der russischen Volks- und Kunstlitteratur. Russische Revue 1875.

Письма изъ Сербіи. Голось 1876.

Geschichte der russischen Literatur in gedrängter Uebersicht. Ein Leitfadен nebst bibliographischen Notizen, mit

besonderer Berücksichtigung der neueren Literatur. Dorpat und Fellin 1881. 2. Auflage, 1886. Первоначально написана была для Энциклопедического словаря Мейера. Тоже по-русски: *Сжатый обзор исторіи новой русской литературы, съ библиографическими примѣзаніями. Издалъ Евгеній Бобровъ. Дерптъ 1892.*

О В. А. Жуковскомъ. Речь, произнесенная въ Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ 29 января 1883 г. Съ приложеніемъ двухъ писемъ В. А. Жуковского къ графинѣ Софьѣ Михайловнѣ Соллогубъ. Спб. 1883. То же по-нѣмецки: *Rede zur Feier des hundertjährigen Geburtsfestes von W. A. Joukoffsky am 29. Januar 1883. Herausgegeben von der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat 1883.*

Василій Андреевичъ Жуковский. 1783 — 1852. Столѣтняя годовщина дня его рожденія. Очерки проф. П. А. Висковатова и д-ра К. К. Зейдлица. Письма В. А. Жуковского. Русская Старина 1883 №№ 1 — 10 и отдѣльно: Спб. 1883.

Жизнь и поэзія В. А. Жуковского. Съ предисловіемъ П. А. Висковатова. Спб. 1883.

В. А. Жуковский и М. А. Протасова. Живописное Обозрѣніе 1883 № 5.

Евгеній Онѣгинъ, А. С. Пушкина. Приспособилъ для класснаго чтенія П. А. Висковатый. Дерптъ 1887 (№ 2 сборника: „Изъ области русской словесности“).

Неизданное письмо М. В. Ломоносова къ Шумахеру по поводу соисканія имъ профессорскаго званія. Историческій Вѣстникъ 1888 № 6.

Bericht über die Aufdeckung einer schiff förmigen Steinsetzung bei Türsel in Estland. — Nachtrag zum Berichte.

Verhandlungen der Gel. Estn. Gesellschaft zu Dorpat. Band XIII. Dorpat 1888.

Zur Schiffsgräber-Frage. Sitzungsberichte der Gel. Estn. Gesellschaft zu Dorpat 1889. Dorpat 1890.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Первое полное изданіе В. О. Рихтера, подъ редакціею П. А. Висковатова. Шесть томовъ. М. 1891. Весь шестой томъ посвященъ біографіи поэта, написанной П. А. Висковатовымъ: *Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Жизнь и творчество.* Предшествовавшіи этому труду работы г. Висковатова надъ Лермонтовымъ обозначены въ „библіографіи“, составленной Н. Н. Буковскимъ и помѣщенной въ третьемъ томѣ этого изданія.

Либретто фантастической оперы „Демонъ“ въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Содержаніе заимствовано изъ поэмы того же названія М. Ю. Лермонтова. Музыка А. Г. Рубинштейна. Варшава 1891.

Иванъ Жижка. Лекція, читанная въ Ревельскомъ Общественномъ собраніи 26 марта 1892 года. Колыванъ 1892 №№ 73—75 и отдѣльно: Ревель 1892, а потомъ: Спб. 1898.

Воспоминаніе о первыхъ годахъ дѣтства В. А. Жуковского. Русская Мысль 1893.

Archäologische Funde in Püchtitz. Sitzungsberichte der Gel. Estn. Gesellschaft zu Dorpat 1893. Dorpat 1894.

Пюхтицкое древнее кладбище, Эстляндской губ. (къ X-му Археологическому Съезду въ Ригѣ). Ревель 1894.

Юрьевъ (Дерптъ) и его историческое прошлое. Сообщеніе, читанное въ залѣ кружка „Родникъ“ въ Юрьевѣ.

Прибалтійскій Листокъ 1894 №№ 7—9 и отдѣльно: *Юрьевъ* 1894.

Гуманизмъ и національное движеніе въ Германіи. Публичная лекція, читанная въ Юрьевскомъ университетѣ. Русская Мысль 1894 № 2.

Задачи русской литературы (вступительная лекція въ С.-Петербургскомъ университетѣ). Русское Обозрѣніе 1895 № 4.

Мое знакомство съ А. Г. Рубинштейномъ (Либретто оперы „Демонъ“). Русский Вѣстникъ 1896 № 4.

О „Фаустѣ“, Гете. Спб. 1896.

Эдуардъ Губеръ и Фесслеръ. Этюдъ. Спб. 1897.

Бабушка Татьяна. Люшина первая книжка. Спб. 1899.

Въ 1873 году П. А. Висковатовъ былъ редакторомъ ежедневной газеты въ Петербургѣ „*Русскій Міръ*“. Кромѣ того, онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „*Руси*“ И. С. Аксакова, „*Голоса*“, „*Московскихъ Вѣдомостей*“, „*С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*“, „*Новаго Времени*“.

Изъ беллетристическихъ сочиненій П. А. Висковатова напечатаны повѣсти: „*Головка съ натуры*“, „*Недоразумѣніе*“, „*Мальчикъ съ пальчикъ*“ и др.

15 іюля 1895 г. ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще назначенъ и состоитъ понынѣ пишущій эти строки.

Б. Доценты.

І. В. А. Яковлевъ (1871—1873).

Въ виду того, что уставомъ 1865 года должность лектора русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ была упразднена, историко-филологическій факультетъ (бывшее историко-филологическое отдѣленіе философскаго факультета), согласно указанію попечителя пріурочить одну изъ штатныхъ доцентуръ, имѣвшихся въ распоряженіи университета, къ предмету русскаго языка и литературы (предложеніе попечителя гр. Кейзерлинга Совѣту отъ 6 ноября 1868 года), озабоченъ былъ подысканіемъ соотвѣтствующаго кандидата (отзывъ ист.-фил. факультета отъ 28 ноября 1868 года, по поводу упомянутаго предложенія попечителя). Но подходящаго лица для замѣненія этой должности долго не находилось. Въ 1869 г. приглашенъ былъ на это мѣсто бывшій ранѣе профессоромъ по кафедрѣ русской исторіи въ Дерптѣ Николай Алексѣевичъ Ивановъ (1811—1869), но послѣдовавшая черезъ два мѣсяца смерть послѣдняго прекратила его дѣятельность въ качествѣ доцента русскаго языка и литературы въ самомъ началѣ.

30 августа 1871 года представленъ былъ историко-филологическимъ факультетомъ Совѣту для избранія въ и. д. доцента русскаго языка и литературы Владиміръ Алексѣевичъ Яковлевъ, бывшій до того времени учителемъ русскаго языка и словесности въ „Домѣ воспитанія“ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества въ Петербургѣ; факультетъ сослался при этомъ на рекомендацію проф. А. А. Котляревскаго. Выбранный на упомянутую должность единогласно, В. А. Яковлевъ былъ назначенъ на нее попечителемъ (на основаніи Высочайшаго соизволенія, по докладу о томъ министра нар. просвѣщенія 3 декабря 1871 года) какъ и. д. доцента лишь на одинъ годъ, впродъ до пріобрѣтенія Яковлевымъ

степени магистра. По истеченіи года, когда магистерская степень Яковлевымъ не была еще пріобрѣтена, Совѣтъ ходатайствовалъ передъ попечителемъ объ оставленіи его на службѣ и на дальнѣйшій срокъ, на что въ январѣ 1873 года и послѣдовало согласіе попечителя — съ предложеніемъ однакоже Совѣту, чтобы Яковлевъ пріобрѣтеніемъ магистерской степени выполнилъ необходимое условіе для утвержденія его въ должности доцента. Но весной 1873 года В. А. Яковлевъ перешелъ и. д. доцента русскаго языка въ Варшавскій университетъ.

Во время своей двухлѣтней службы въ Дерптскомъ университетѣ В. А. Яковлевъ читалъ и велъ слѣдующіе курсы: „Исторія древней русской литературы“, „Исторія русской народной поэзіи“, „Новѣйшіе русскіе прозаики и поэты, съ грамматическими и историко-литературными поясненіями“, „Практическія упражненія въ рускомъ языкѣ“.

Автобіографическая записка В. А. Яковлева (род. въ 1840 г., ум. въ 1896 г. въ Одессѣ) и перечень ученыхъ трудовъ его напечатаны въ сочиненіи А. И. Маркевича „Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новороссійскаго университета“ (Одесса 1890), стр. 226—228; къ послѣднему надо прибавить въ особенности докторскую диссертацию В. А. Яковлева: *„Къ литературной исторіи древнерусскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. Одесса 1893“*.

II. М. В. Праховъ (1876 — 1878).

Какъ уже мы знаемъ, немедленно по оставленіи В. А. Яковлевымъ службы въ Дерптскомъ университетѣ, преподаваніе русскаго языка и литературы возложено было на И. А. Висковатова, который въ весенній и осенній семестры 1874 г. былъ и. д. доцента русскаго языка и литературы и въ то же время читалъ лекціи по вакантной кафедрѣ русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще, а въ теченіе обоихъ семестровъ

1875 года, занимая упомянутую кафедру какъ профессоръ, велъ занятія одновременно и какъ доцентъ русскаго языка и литературы. Такимъ образомъ, въ 1875 и 1876 годахъ доцентура русскаго языка и литературы не была замѣщена особымъ лицомъ. 27 сентября 1876 года на эту должность Совѣтомъ университета былъ избранъ и назначенъ попечителемъ какъ и. д. доцента, впредь до пріобрѣтенія степени магистра, Мстиславъ Викторовичъ Праховъ, начавшій свое преподаваніе впрочемъ лишь съ весенняго семестра 1877 года.

Родившись въ гор. Мстиславѣ Могил. губ. въ 1840 году, М. В. Праховъ среднее образованіе получилъ въ Митавской гимназіи и загѣмъ въ Петербургѣ; высшее образованіе получилъ на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата. Посланный потомъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, по представленію Петербургскаго университета, на два года за границу для занятій сравнительнымъ языковѣдѣніемъ и славянской филологіей, М. В. Праховъ по возвращеніи состоялъ въ 1865—1870 гг. учителемъ русскаго языка и словесности въ VІІ классической гимназіи въ Петербургѣ, продолжая свои научныя занятія, въ особенности въ области древнерусской литературы и языка; въ 1874 году занимался онъ, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, составленіемъ греческо-русскаго словаря для гимназій и университетовъ.

Живя и работая въ Петербургѣ, Праховъ около этого времени въ особенности сблизился съ извѣстнымъ поэтомъ, нынѣ покойнымъ Аполлономъ Ник. Майковымъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ біографъ послѣдняго, хорошо знавшій ихъ обоихъ: „Онъ (Майковъ) сблизился въ это время (во второй половинѣ 60-хъ годовъ, во время работъ Майкова надъ переводомъ Слова о Полку Игоревѣ) съ филологами, изъ которыхъ „незабвеннѣйшій“ Мстиславъ Викторовичъ Праховъ, одаренный высокимъ поэтическимъ чутьемъ, при своей огромной эрудиціи, сдѣлался другомъ Аполлона Николаевича и нянь-

кою всѣхъ его тогдашнихъ произведеній. О сухихъ ученыхъ Праховъ всегда говорилъ, что они дальше переплетовъ не идутъ, самъ же онъ забирался всегда въ самую глубь, въ самую святая святыхъ поэзіи изучаемыхъ имъ народовъ и отдѣльныхъ поэтовъ, древнихъ и новыхъ. „Такого пониманія — пишетъ Аполлонъ Николаевичъ (въ письмѣ къ автору) — я ни до, ни послѣ него никогда ни въ комъ не встрѣчалъ“¹⁾.

Дѣятельность М. В. Прахова въ Дерптскомъ университетѣ, какъ и его предшественниковъ по доцентурѣ русскаго языка и литературы, была непродолжительна, въ виду его болѣзни, заставившей Прахова уже весной 1878 года оставить службу въ Дерптѣ.

Онъ читалъ слѣдующіе курсы: „Филологическое объясненіе древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ русской литературы, пачиная со Слова о Полку Игоревѣ“, „Развитіе повѣйшей русской трагедіи со времени Пушкина“, „Памятники древне-русской литературы, съ введеніями и объясненіями“, „Древне-славянская грамматика“.

Печатные труды М. В. Прахова:

Сѣверное море. Стихотворенія Генриха Гейне. Переводъ М. В. Прахова. Отдѣльные оттиски изъ журнала „Гражданинъ“. Спб. 1872.

Персидскія пѣсни. Мотивы Гафиза. Перевелъ М. Праховъ. Русскій Вѣстникъ 1874 № 1 и отдѣльно: Спб. 1874.

Великій Духъ (по Лонгфелло). Стихотвореніе. М. 1874.

Караванъ тѣней и Погибшая любовь. М. 1874.

1) Златковскій, М. Л. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. 1821—1897. Біографическій очеркъ. Изд. 2. Спб. 1898, стр. 59.

Съ оставленіемъ М. В. Праховымъ службы въ Дерптскомъ университетѣ, доцентура русскаго языка и литературы была замѣщена новымъ лицомъ лишь со второго семестра 1880 года, и обязанности по этой должности исполнялъ въ продолженіе двухъ лѣтъ приватъ-доцентъ Аркадій Александровичъ Соколовъ. Род. 31 мая 1848 въ Черновѣ¹⁾), воспитанникъ Дерптскаго университета, А. А. Соколовъ по окончаніи курса въ Дерптѣ по историко-филологическому факультету въ 1870 г. слушалъ еще въ Московскомъ университетѣ Буслаева, Тихонравова, Соловьева и Нила Попова; въ 1871—76 гг. былъ старшимъ учителемъ въ Митавской гимназіи; въ 1876 г., причисленный къ М. Н. Пр., былъ командированъ на два года за границу и занимался въ Прагѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. По возвращеніи въ 1878 году изъ-заграницы и защитѣ *pro venia legendi* диссертации „Зарожденіе литературы у словенцевъ. Примусъ Труберъ“ въ университетѣ Св. Владимира, былъ назначенъ тамъ приватъ-доцентомъ по каюедрѣ славянской филологіи. Въ 1879 году перешелъ на службу въ Дерптъ старшимъ учителемъ русскаго языка въ гимназіи и приватъ-доцентомъ русскаго языка и литературы въ университетѣ и читалъ лекціи не только въ 1879 и 1880 годахъ, какъ упомянуто выше, но и въ 1881 и 1882 годахъ, когда уже доцентура русскаго языка послѣ М. В. Прахова была замѣщена новымъ лицомъ.

Курсы А. А. Соколова были слѣдующіе: „Грамматика старославянскаго языка“, „Исторія болгарской литературы до XIV вѣка“, „Сербскій языкъ“, „Чешскій языкъ“, „Русскій языкъ“, „Основы древнеславянской жизни и вѣрованій“, „Объ отношеніи славянскаго языка къ родственнымъ“, „Русская грамматика сравнительно съ церковнославянской“, „Важнѣйшіе результаты сравнительнаго языкознанія примѣнительно къ славянской филологіи“, „Древне-русская литература“.

1) На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ, по нашей просьбѣ, самимъ А. А. Соколовымъ.

Въ 1883 году А. А. Соколовъ перешелъ изъ Дерпта на службу въ Варшавскій учебный округъ и состоитъ нынѣ директоромъ третьей Варшавской гимназіи.

Печатные труды А. А. Соколова:

Зарожденіе литературы у словинцевъ. Примузъ Труберъ. Кіевскіи Университетскіи Извѣстія 1878 и отдѣльно: Кіевъ 1878.

О современномъ состояніи языка и литературы у словаковъ. Филологическіи Записки 1879 I и отдѣльно: Воронежъ 1879.

Очерки Вѣдійской жизни, съ краткими указаніями на родственныя герты въ языкъ и бытъ славянъ. Дерптъ 1879.

Deutsche Mythologie von Jacob Grimm. 4. Ausgabe, besorgt von Hugo Elard Meyer. Berlin 1875—78, 3 Bände. Baltische Monatschrift, B. XXVI. 1879.

III. Л. К. Мазингъ.

Преимникомъ М. В. Прахова явился съ осени 1880 года Леонгардъ Карловичъ Мазингъ, продолжающій свою службу въ должности доцента русскаго языка и литературы (исправляющимъ должность съ 9 сентября 1880 г., утвержденъ въ ней 19 января 1891 г.) въ Юрьевскомъ университетѣ и по настоящее время.

Л. К. Мазингъ ¹⁾ родился въ 1845 году въ Лифляндской губерніи. Получилъ высшее образованіе въ Дерптскомъ университетѣ на богословскомъ факультетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ

1) По сообщеннымъ имъ, по нашей просьбѣ, свѣдѣніямъ.

со степенью кандидата въ 1869 году; въ 1876 г. получилъ степень доктора философіи въ Лейпцигѣ, въ 1879 г. выдержалъ экзаменъ на степень кандидата русскаго языка и славянскаго языковѣдѣнія въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ затѣмъ въ 1886 году получилъ степень магистра сравнительнаго языковѣдѣнія, а въ 1890 г. степень доктора по той же спеціальности.

Л. К. Мазингъ читаетъ въ университетѣ какъ общіе, такъ и спеціальные курсы по церковно-славянскому языку, по исторіи русскаго языка, по литовскому языку и по южно-славянскимъ нарѣчіямъ. Кромѣ того, со второго семестра 1898 года онъ исполняетъ обязанности лектора нѣмецкаго языка.

Ему принадлежатъ слѣдующіе печатные труды:

Die Hauptformen des serbisch - chorwatischen Accents. Nebst einleitenden Bemerkungen zur Accentlehre insbesondere des Griechischen und des Sanskrit. St.-Petersbourg 1876. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, VII série, tome XXIII, № 5.

Разборъ изданія „Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae codex Marianus glagoliticus. Characteribus cyrillicis transcriptum edidit V. Jagić. Berolini MDCCCLXXXIII“ (изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ). Göttingische Gelehrte Anzeigen 1884 г., 1 сентября, № 17, стр. 687—711.

Разборъ изданія „Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073 года, съ греческимъ и латинскимъ текстами, предисловіемъ Е. В. Варсова и запискою А. Л. Дювернуа“ (въ Чтеніяхъ въ Импер. обществѣ истор. и древн. рос. при Моск. универс., годъ 1882, кн. 4). Arch. f. slav. Philol., т. 8, стр. 549—572.

Studien zur Kenntniss des Izbornik Svjatoslava vom Jahre 1073 nebst Bemerkungen zu den jüngeren Handschriften. Arch. f. slav. Philol. т. 8, стр. 357—395, и т. 9, стр. 77—112.

Zur sprachlichen Beurteilung der macedonischen Slaven.
I. Vertretung von tj und dj. St. Petersburg 1890.

Zur Laut- und Accentlehre der macedonischen Dialekte.
Ein Beitrag zur Kritik derselben. St. Petersburg 1891.

В. Лекторы.

I. Иос. Елачичъ (1802 — 1804).

При открытіи университета, лекторомъ (или учителемъ, Lehrer, какъ также назывался онъ въ официальныхъ бумагахъ) и въ то же время переводчикомъ, согласно § 87 Устава 1803 года, назначень былъ Иосифъ Елачичъ (Jelachich или Jelatschitsch), вѣроятно хорватъ по происхожденію, о которомъ въ архивѣ не имѣется другихъ свѣдѣній кромѣ того, что занималъ онъ упомянутое мѣсто въ университетѣ до 14 сентября 1804 года¹⁾, когда былъ переведень на службу учителемъ русскаго языка въ Дерптскую гимназію, а преемникомъ ему въ университетѣ былъ назначень —

II. Ив. Фр. Тернеръ (1804 — 1822).

9 сентября 1804 поступило въ Совѣтъ заявленіе профессора Г. А. Глинка, что къ нему явился кандидатъ Тер-

1) Отзывъ попечителя Клингера о Елачичъ какъ лекторѣ см. выше, стр. 27.

неръ для экзамена по русскому языку и что обнаружилъ въ этомъ предметѣ удовлетворительныя познанія. Въ виду этого 14 сентября 1804 года И. Ф. Тернеръ назначенъ былъ лекторомъ русскаго языка и переводчикомъ въ университетѣ. Но какъ иностранецъ (новидимому, англичанинъ) по происхожденію, учившійся русскому языку уже въ зрѣлые годы и не вполне овладѣвшій имъ, онъ нерѣдко затруднялся при исполненіи своихъ обязанностей переводчика, о чемъ свидѣльствуетъ его донесеніе въ Совѣтъ отъ 23 марта 1812 г., въ которомъ онъ просилъ или увеличить его жалованье прибавкой 300 рублей въ годъ, благодаря которой онъ могъ бы обращаться въ трудныхъ случаяхъ перевода бумагъ съ нѣмецкаго на русскій къ природному русскому, или оставить ему только переводы съ русскаго на нѣмецкій, а для обратныхъ переводовъ подыскать другое лицо. Университетское начальство старалось удовлетворить, хотя и не въ полной мѣрѣ, эту просьбу Тернера предоставленіемъ ему другихъ сносовъ (по канцеляріи) увеличить свой заработокъ въ университетѣ.

Въ 1817 году Тернеръ просилъ Совѣтъ одновременно съ русской лектурой предоставить ему также и должность лектора англійскаго языка. Просьба эта была уважена, и Тернеръ назначенъ былъ замѣщать англійскую лектуру впродъ до пріисканія на то особаго лица. 20 іюля 1822 г. Тернеръ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности лектора русскаго языка и объ окончательномъ переводѣ его на англійскую лектуру, что было также уважено.

III. Ф. Г. Бунге (1822 — 1825).

Въ августѣ 1822 года преемникомъ Тернера по русской лектурѣ назначенъ былъ Фридрихъ Георгъ Бунге, кандидатъ правъ Дерптскаго университета, бывшій потомъ долгое время профессоромъ въ Дерптскомъ университетѣ и пріобрѣтшій большую извѣстность какъ историкъ мѣстнаго

права Прибалтійських губерній (род. 1 марта 1802 года въ Кіевѣ, умеръ 28 марта 1897 г. въ Висбаденѣ). Незадолго передъ назначеніемъ своимъ на должность лектора Ф. Г. Бунге, по донесенію проф. В. М. Перевонцова отъ 6 іюня 1822 г. въ Совѣтъ, подвергался у него испытанію по русскому языку и обнаружилъ хорошую подготовку какъ въ теоріи, такъ и въ практическомъ обладаніи русской рѣчью.

Ф. Г. Бунге оставался лекторомъ русскаго языка до весны 1825 года и, кромѣ практическихъ упражненій, читалъ курсы: „Русская этимологія“ и „Русскій синтаксисъ“.

IV. А. В. Тихвинскій (1825 — 1857).

По оставленіи Ф. Г. Бунге должности лектора русскаго языка, въ преемники ему назначенъ былъ въ маѣ 1825 года Александръ Васильевичъ Тихвинскій, бывшій до того учителемъ русскаго языка въ Дерптской гимназіи и удержавшій за собою эту должность также и по полученіи лектуры въ университетѣ.

А. В. Тихвинскій былъ въ Дерптѣ членомъ того дружескаго кружка, который группировался вокругъ Н. М. Языкова и въ который входили еще П. Н. Шенелевъ, А. Н. Тютчевъ, А. Д. Хриповъ, А. Н. Вульфъ и др.¹⁾ Въ одномъ письмѣ изъ Дерпта, отъ 1 мая 1827 года, Языковъ писалъ Вулфу: „Хриповъ согласенъ совокупно съ Тихвинскимъ и мною предпринять въ началѣ каникулъ почтенное путешествіе въ Тригорское, любезное, славное“²⁾. Къ Тихвинскому обращено одно стихотвореніе Языкова 1831 года: „Какъ знать, куда

1) Семевскій, М. И. И. М. Языковъ. Русскій Архивъ 1867, ст. 714.

2) Тамъ же, ст. 731.

моя дорога на тайномъ поприщѣ земли? . . .“ ¹⁾. Добрыя воспоминанія о немъ, какъ объ учителѣ, сохранилъ и Ю. К. Арнольдъ ²⁾).

А. В. Тихвинскій оставался лекторомъ русскаго языка въ университетѣ до августа 1837 года, ведя со студентами „Упражненія въ переводѣ съ нѣмецкаго на русскій“ и читая имъ курсъ „Русской грамматики“. Кроме того, какъ упомянуто было выше, въ промежутокъ послѣ ухода В. М. Перовщикова и до назначенія М. П. Розберга, Тихвинскій читалъ нѣкоторые курсы по вакантной кафедрѣ русскаго языка и литературы.

У. И. Я. Павловскій (1837—1838).

Въ преемники Тихвинскому назначенъ былъ въ августѣ 1837 года Иванъ Яковлевичъ Павловскій, весьма извѣстный впослѣдствіи лексикографъ (1800—1869). Окончивши курсъ въ Рижской гимназіи, Павловскій служилъ сначала канцелярскимъ чиновникомъ въ почтовой конторѣ въ г. Валкѣ, потомъ тамъ же учителемъ русскаго языка и чистописанія въ уѣздномъ училищѣ; изъ Валка Павловскій былъ переведенъ учителемъ Екатерининскаго уѣзднаго училища въ Ригу. Въ этой послѣдней должности онъ былъ замѣненъ проф. М. П. Розбергомъ во время обозрѣнія послѣднимъ учебныхъ заведеній касательно преподаванія въ нихъ русскаго языка, и приглашенъ въ 1837 году на службу въ Дерптскій университетъ. Въ 1838—1839 годахъ временно исполнялъ онъ обязанности старшаго учителя русскаго языка въ Дерптской гимназіи; въ 1846 году, по порученію попечителя Дерптскаго учебнаго округа, ревизовалъ преподаваніе русскаго

1) Соч. Н. М. Языкова, ч. I (Спб. 1858), стр. 124—125.

2) Воспоминанія, вып. I, стр. 76.

языка въ гимназiи и въ другихъ школахъ города Риги. Въ сентябрѣ 1858 года И. Я. Павловскій, въ виду разстроеннаго здоровья, по прошенію, уволенъ былъ отъ должности лектора. Съ его уходомъ должность эта особымъ лицомъ не была замѣщена, а уставомъ 1865 года и упразднена совершенно.

И. Я. Павловскій велъ и читалъ въ университетѣ слѣдующіе курсы: „Русская грамматика“, „Водонадъ, Державина, съ грамматическими объясненіями“, „Причудница, поэма Дмитріева, съ грамматическими упражненіями“, „Рыбаки, Гнѣдича, съ грамматическимъ анализомъ“, переводы съ нѣмецкаго на русскій языкъ изъ Шиллера, изъ соч. Греча „Поездка въ Германію“, изъ христоматій Благовѣщенскаго (изд. 1841) и самого лектора (изд. 1842), а также переводы съ русскаго на нѣмецкій „Чернеца“ Козлова и „Кавказскихъ очерковъ“ Марлинскаго.

И. Я. Павловскому принадлежать слѣдующіе печатные труды:

Russische Sprachlehre für Deutsche. Dorpat 1838.
Пополненное изданіе этого труда: *Theoretisch - practischer Coursus der russischen Sprache für Deutsche. 2. Aufl. Mitau 1843.*

Назертаніе географіи Россійской имперіи (для уѣздныхъ училищъ). Дерптъ 1841.

Географія Россійской имперіи. Двѣ части. Дерптъ 1843.

Пространная географія Россійской имперіи. Двѣ части. Спб. 1846. Было нѣсколько изданій.

Руководство къ географіи Россійской имперіи. Двѣ части: I Дерптъ 1844, II Спб. 1858. Было нѣсколько изданій.

Русская хрестоматія. Митава 1842.

Полный нѣмецко-русскій словарь. Рига 1856, 2 изд. 1867, 3 изд. 1888, 4 изд. 1897.

Полный русско-нѣмецкій словарь. Рига 1859. 2 изд. Митава 1874. 3 изд. Рига 1900.

Краткая славянская грамматика для нѣмцевъ. 1857.

Указатель личных именъ.

- Андерсъ, Э. 6. 56. 66—67.
 Арнольдъ, Ю. К. 55. 89.
 Виддеръ, проф. 15. 20. 23.
 фонъ-Брадке, Е. Ф., попечитель 6. 16.
 Бунге, Ф. Г., лекторъ 87—88.
 Бурдахъ, К. Ф., проф. 37.
 Висковатовъ, П. А., проф. 72—78.
 Воейковъ, А. О., проф. 9. 42—47.
 Гецель, проф. 9.
 Гизе, проф. 9.
 Глинка, Г. А., проф. 4. 5. 26—33. 86.
 Дейчъ, проф. 9.
 Евгений (Болховитиновъ), митр. 57—59.
 Елаичъ, Л., лекторъ 27. 86.
 Еше, проф. 52.
 Жерве, П. К., попечитель 71.
 Жуковский, В. А. 35. 37. 42.
 графъ Завадовскій, П. В., министръ 27.
 Ивановъ, Н. А., проф. 79.
 Кайсаровъ, А. С., проф. 5. 33—42.
 Карамзинъ, Н. М. 26. 27. 33.
 графъ Кейзерлингъ, А. А., попечитель 20. 23.
 Клинеръ, Ф. И., попечитель 4. 27. 28.
 Котляревскій, А. А., проф. 68—72. 79.
 Крафстремъ, Г. В., попечитель 12. 14.
 Лампе, проф. 9.
 Ледебуръ, проф. 9.
 князь Ливенъ, К. А., попечитель 11. 45. 49.
 Мазингъ, Л. К., доцентъ 84—86.
 Майковъ, А. Н. 81.
 Мойеръ, проф. 9.
 Моргенштернъ, проф. 9. 52.
 Нейе, проф. 15.
 Нейманъ, проф. 6. 7—9.
 Павловскій, И. Я., лекторъ 89—91.
 графъ Паленъ, М. И., попечитель 11.
 Парротъ, Г. Ф., проф. 12. 27.
 Перевощиковъ, В. М., проф. 9. 47—60. 88.
 Пироговъ, Н. И. 54.
 Праховъ, М. В., доцентъ 80—82.
 Пушкинъ, А. С. 57. 65—66.
 графъ Разумовскій, А. К., министръ 5. 29.
 Рамбахъ, проф. 40.
 Розбергъ, М. П., проф. 13—16, 60—68. 89.
 Ромбергъ 34.
 Святный, Ф. Н. 61.
 Соколовъ, А. А., приватъ-доцентъ 83—84.
 Стиксъ, проф. 4. 9.
 князь Суворовъ, А. А., генераль-губернаторъ 15.
 Тернеръ, И. Ф., лекторъ 86—87.
 Тихвинскій, А. В., лекторъ 61. 88—89.
 Тобинъ, проф. 15.
 Тургеневъ, А. И. 35—37. 42.
 графъ Уваровъ, С. С., министръ 12.
 Цихориусъ, проф. 9.
 Шавровъ 34—35.
 Шереръ, проф. 4.
 Эверсъ, Г., проф. 7—8.
 Эверсъ, Л., проф. 9.
 Эрлманъ, Ф., проф. 11.
 Франке, проф. 52.
 Языковъ, Н. М. 56. 88.
 Яковлевъ, В. А., доцентъ 71. 72. 79—80.



Содержаніе.

I.

Нѣсколько историческихъ замѣчаній о русскомъ языкѣ какъ предметѣ преподаванія въ Юрьевскомъ (Дерпт- скомъ) университетѣ	Стр. 3—25
---	--------------

II.

Преподаватели русскаго языка и словесности въ Юрьев- скомъ (Дерптскомъ) университетѣ съ 1802 по 1895 годъ	26—91
--	-------

А. Профессора:

I. Г. А. Глинка (1802 — 1810)	26
II. А. С. Кайсаровъ (1810 — 1813)	33
III. А. Ѳ. Воейковъ (1814 — 1820)	42
IV. В. М. Перовошиковъ (1820 — 1830)	47
V. М. П. Розбергъ (1836 — 1867)	60
VI. А. А. Котляревскій (1868 — 1873)	68
VII. П. А. Висковатовъ (1873 — 1895)	72

В. Доценты:

I. В. А. Яковлевъ (1871 — 1873)	78
II. М. В. Праховъ (1876 — 1878)	80
Приватъ-доцентъ А. А. Соколовъ (1879 — 1882)	83
III. Л. К. Мазингъ (съ 1880 года)	84

В. Лекторы:

I. Іосифъ Елаичъ (1802 — 1804)	86
II. Ив. Фр. Тернеръ (1804 — 1822)	86
III. Ф. Г. Бунге (1822 — 1825)	87
IV. А. В. Тихвинскій (1825 — 1837)	88
V. И. Я. Павловскій (1837 — 1858)	89

Указатель личныхъ именъ	92
-----------------------------------	----